

ПРОЩАЙ, «СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО»...

ПОВЕСТЬ

Ночные терзания

— Асрор, тебе приснился кошмар? — услышал Асрор голос матери, но промолчал, еще крепче зажмурившись. — Почему ты кричишь? Ну-ка, повернись на другой бок...

Мальчик подождал, пока за матерью закроется дверь, и только тогда открыл глаза.

Сон? О, если бы это был сон!.. Нога еще помнит странное ощущение удара по упругой плоти, когда он в остервенении пнул лежавшего мужчину. Откуда он взялся в их районе? Асрор не помнит, чтобы видел его прежде, хотя... И почему он из-за сигареты полез на рожон?..

Асрор лег ничком, подсунув подушку под подбородок.

Их, верно, уже ищет милиция... нет, вряд ли... Через сколько времени всплывает труп? Лучше бы он совсем не всплыл. Милиция... Тюрьма...

Асрор закрыл глаза. Взгляд! Он встретился со взглядом лежавшего, когда пнул его в живот... Странно, как он вообще увидел глаза этого человека — ведь там было темно!..

Тот сам во всем виноват! Выхватил нож и ударил Салима в бедро! Если бы не нож, его бы никто не тронул. Все подтвердят это и им ничего не будет...

А если за кем-нибудь уже следят? Камариддин-то сидел. Теперь на учете. За ним в первую очередь могут установить слежку. А Салим у него! Обработали ли ему рану?..

Во рту пересохло. В груди, казалось, тлел раскаленный уголек. Асрор потихоньку пробрался на кухню. Несколько

жадных глотков прохладной воды уняли немного внутренний жар. Вышел на балкон. Открыл окно. Небо заволакивало тучами. Порыв ветра, подметавшего улицу, забил ноздри пылью. Асрор глянул вниз. С пятого этажа казалось, что пять саженцев черешни, посаженные им, могут поместиться на ладони. За ними — гараж. Отец несколько раз за ночь встает и смотрит с балкона — все ли в порядке. Подумалось, если отец, не приведи Аллах, вдруг увидит угонщиков, то бросится на них с пятого этажа.

«Если сюда приедет милиция, то с балкона брошусь я... Лучше смерть, чем тюрьма!»

Асрор попятился, оказался в кухне. Крепко запер балконную дверь. Отвернул кран и подставил под холодную струю лицо. Услышав шорох за спиной, резко обернулся. Мать...

— Что с тобой? — встревоженно спросила она, ласково пригладив волосы Асрора.

— Что-то не спится...

— Это от усталости. Я слышала, вчера на свадьбе вас замучили. Иди, приляг еще. Если не сможешь заснуть — считай, хоть до тысячи. Сам не заметишь, как заснешь.

Асрор вернулся в свою комнату.

...Вот наряд милиции во главе с мертвецом подходит к дому. Мертвец вскрикивает: «Где мой убийца? Где мой убийца?!» Асрор было обрадовался, что убитый жив, но тут наряд милиции входит в его подъезд... Вскоре раздается звонок...

Асрор в ужасе вскочил и, сообразив в чем дело, хлопнул по кнопке будильника. Снова спрятался с головой под одеяло. Его бил нервный озноб.

— Ты проснулся, сынок? — поинтересовалась мать, приоткрыв дверь.

«Чего я, собственно, так боюсь? — пытался он себя успокоить. — Ведь я же не убивал его! Не убивал. Ну, пнул разок. И главное — после того, как он ударил ножом Салима!»

Асрор заставил себя проглотить завтрак и поспешил из дому. На улице произвольно огляделся: ничего подозрительного. На углу его, как обычно, поджидала Дильфуза. Каждое утро она с улыбкой встречала его, но сегодня явно подавлена.

«Наверное, и она не спала», — подумал Асрор.

Они кивнули друг другу и молча пошли рядом, словно только что повздорили.

— Что теперь будет? — спросила шепотом Дильфуза.

Асрор ничего не ответил.

— Если бы Шамиль не начал... — попыталась она продолжить, но Асрор злобно прервал ее:

— Шамиль и не начинал ничего! Тот сам вытащил нож! И вообще... тебя там не было вчера! Ясно?

— А вас? — Дильфуза взяла Асрора за локоть и остановила. — А вас?

— Меня?.. Не знаю...

— Вас тоже там не было. Мы были вместе... в кино. У меня есть свидетели.

— Свидетели?..

— Да, я сказала папе, что мы были в кино. Он может подтвердить.

Асрор не успел ответить. Кто-то окликнул его сзади. Их нагонял одноклассник Асрора Заир.

— Вчера мы с Турабом заходили к тебе, — сказал он. — Мама сказала тебе, что мы заходили?

— Вчера... мы были в кино, — ответил с запинкой Асрор и невольно оглянулся на Дильфузу: та кивком подтвердила его слова. — А в чем дело?

— Сестра Тураба выходит замуж! Двадцать первого они устраивают той. Вы бы могли оживить этот праздник...

— Двадцать -первое. Суббота? Не знаю. Может, отец договорился с другой свадьбой и уже получил аванс.

— Но ты же обещал!

— Да, обещал, но в обычный день. По пятницам, субботам и воскресеньям мы бываем заняты.

— Ну, а если мы заплатим?

— Кто заплатит?

— Какая тебе разница? Передай отцу, что мы заплатим... —

И Заир умчался, словно опаздывал.

Асрор и Дильфуза заметили его обиду и то, что он постеснялся идти рядом с ними, но им было не до подобных мелочей.

Возле кинотеатра Асрор украдкой глянул на тополевую аллею, на скамейку, где обычно сидит Камариддин.

В прошлом году именно здесь и именно в это время Камариддин впервые подозвал его. До того Асрор знал о нем только то, что Камариддин недавно вышел из заключения.

— Много нашибал вчера на свадьбе? — ласково поинтересовался Камариддин.

Ноги стали ватными, в горле пересохло. А Камариддин, покровительственно положив ему руку на плечо, посоветовал мягким, но не допускающим возражения тоном:

— Комиссионные надо отстегивать. И не пряться от нас. Со мной тебя никто не тронет... — И Асрор понял, что придется утаивать от отца часть свадебных денег.

Так они познакомились. А позже и сам Асрор сживал в компании под тополями, и Камариддин перестал взимать с него дань...

Сейчас их место пустовало.

«Попрыгались по норам», — мрачно подумал Асрор.

Когда они свернули на школьную улицу, Асрор пошел вперед, оставив девушку у ворот.

— Увидимся сегодня? — спросила вслед Дильфуза.

— Не знаю...

Дильфуза учится в восьмом. Ее дружба с Асрором уже вызывает в школе разные пересуды. Вчера ее классный руко-

водитель провела с Дильфузой «воспитательный час». Потому они и расстались, не доходя до школы.

Дело о пенсии

Служба инспектора розыскного отдела майора Максуда Салиева завершалась вполне достойно. Последнее дело закрыто: вчера за полночь арестован главарь шайки, за которым он охотился последние три месяца.

— Ну вот, — бодрым тоном сообщил он за завтраком жене, — сегодня поднимут мое заявление, и будем предаваться радостям стариков.

— Уж кто бы говорил! — усмехнулась жена. — Ни за что не поверю, чтобы вы усидели дома.

В действительности срок пенсии подошел еще в прошлом году, но Салиев и подумать не мог об уходе, просто сердце обрывалось. Но когда стало плохо калявать в груди, появилась одышка, так и подал заявление.

Все было решено, однако как только показалось здание милиции, ноги сами замедлили шаги. Майор с робостью вошел в вестибюль. «Хоть бы шефа не оказалось на месте», — подумал он. Но дежурный сразу сообщил ему:

— Вас начальник ищет, срочно.

«Все... — оборвалось что-то в душе. — Сейчас будет со мной прощаться... Чем же я завтра буду заниматься?..»

В кабинете начальника РОВД сидел незнакомый Салиеву человек.

— Поздравляю, поздравляю, — поднялся навстречу ему подполковник. — Спасибо вам за отличную работу. — Обнял майора за плечи.

Потом занял свое кресло и представил незнакомца.

— Товарищ Имамалиев сообщил, что вчера вечером несколько хулиганов избили человека и бросили в воду.

— Где? — моментально забыл о пенсии майор.

— Пивная «Чехра»... В ста метрах от нее, на берегу Анхора, — пояснил подполковник.

— Вы узнали кого-нибудь? — задал вопрос Салиев.

— Нет, я же говорю: шел мимо и случайно посмотрел в ту сторону. Сначала били руками. Когда он упал — ногами. Потом... наверное, он умер, и его сбросили в воду.

— А вы не пытались крикнуть, отогнать хулиганов или привлечь внимание к драке?

— Извините, — покачал головой Имамалиев, поднимаясь, — разбираться с хулиганами — ваша работа. Я свой долг выполнил, поставив вас в известность.

— Громадная вам благодарность, — протянул ему руку подполковник. — Извините, если понадобится, придется вас побеспокоить еще.

— Сколько было хулиганов? — спросил майор, когда Имамалиев был уже у двери.

— Пять-шесть.

— А возраст?

— Трудно сказать. Темно было. Думаю, что пацаны.

— Прошу вас: пока никому ни слова о том, что вы видели.

Имамалиев кивнул и вышел.

— Итак, что будем делать? — хитро посмотрел подполковник на Салиева. — Может, сами и займетесь этим делом?

— А как же заявление? — растерялся майор. — Мы же договаривались...

— Вот оно, заберите. Рано еще вам, — протянул он Салиеву листок, — неужели хотите уйти в самом расцвете сил и богатстве опыта?

— Но здоровье... — возразил майор, тогда как рука уже тянулась к заявлению.

— Доведите это дело до конца, посмотрим, — резюмировал подполковник.

«Как удачно все получилось», — подумал Салиев, выходя из кабинета.

— Товарищ майор, — подошел к нему в коридоре Имамалиев. — Я вспомнил — среди них была девчонка. В сторонке стояла.

— Она не кричала, не звала на помощь?

— Нет, я бы услышал.

— Вы сможете завтра часов в пять утра подойти к пивной?

— Если надо, приду.

— Спасибо. Если припомните что-нибудь еще, звоните, — протянул ему Салиев свою визитку.

«И на том спасибо... — мрачно подумал майор, глядя вслед Имамалиеву. — А ведь мог же спасти беднягу! Наверняка и другие в пивной видели драку...»

Из своего кабинета Максуд Салиев вызвал инспектора по делам несовершеннолетних. Не успел положить телефонную трубку, как в кабинет вошел начальник отдела с молодым парнем.

— Принимайте под свое крыло, майор. Талгат Шамуратов. Практикант. Второй курс. Служил в Афганистане. Так что силы и смелости не занимать. А знания и опыт — по вашей части.

Майор подробно расспросил Талгата о жите-бытье, о семье и службе. Потом перешел к делу.

— Есть у меня задумка, — сказал Салиев. — Пиво любите?

«Счастливое детство»

На первом уроке Асрор ушел в себя, благо, никто ему в этом не препятствовал. Математичка давно побаивалась этого вундеркинда и с большой неохотой входила в класс. Ее знания не выходили за пределы программы, Асрор же мог свободно порассуждать и о теории чисел, и о теории вероятности, о научном наследии аль-Хорезми, о даровании Бернулли.

Посему чем меньше Асрор принимал участие в уроке, тем спокойнее было пожилой и усталой женщине.

Перед началом второго урока — географии — Асрор почувствовал приближение грозы. Не только извне, но и внутри себя. Все в школе боялись тощей и озлобленной учительницы, готовой в любой миг сорваться на крик. Объясняли такое поведение ее одиночеством, но от объяснения деготь не станет медом. Именно она вчера как классный руководитель Дильфузы запретила той встречаться с Асрором.

Почему она к Дильфузе пристала? Если лезут в голову гадости, то надо было говорить с ним! Впрочем, все ясно: он отличник, гордость школы, а Дильфуза — детдомовская. Когда умерла ее мать, а отец попал в аварию, она с младшей сестренкой и братишкой два года жила в детдоме, пока отец не забрал, сказав: «Пусть ухаживает за мной». И учится так себе. Поэтому на нее можно всех собак вешать.

Асрор угадал: первым учительница вызвала его.

— Ну, Мирисаев, — спросила она презрительным тоном, — из чего видна зависимость стран Латинской Америки от внешнего рынка?

Все же откровенная издевка в ее взгляде в голосе превзошла ожидания Асрора. Он был ошеломлен. Но одновременно почувствовал, как со дна души поднимается ответная злость.

— Слушаем-слушаем вас, господин Мирисаев. Быть может, по конфигурации транспортной сети? — прибавила географичка, скучающе разглядывая что-то за окном.

— Видите ли, госпожа Азизханова, я как-то не интересовался зависимостью стран Латинской Америки от внешнего рынка, — развязно, вторя ее тону, ответил Асрор.

— Ах, даже так? — встрепелась учительница на «госпожу Азизханову». Губы ее дрогнули: — Чем же вы интересовались, господин Мирисаев?

— Только внутренним рынком, госпожа Азизханова.

Грозовую напряженность ощутил весь класс, и потому возникший было смешок ребята приглушили сами. Учительница вдруг поняла, что, кажется, потревожила осиный улей, что этот мальчик с длинными ресницами и умными глазами, обычно такой скромный, знает о вчерашнем «воспитательном часе» и ни за что теперь не уступит ей.

— Прекрасно, — деланно улыбнулась она, сжав пальцами классный журнал, — не соблаговолите ли сообщить нам, каково положение на внутреннем рынке?

— Из рук вон, — сказал он, шумно вздохнув, — сборщики налогов совсем житья не дают. Суются, куда их не просят: здесь не стой, там не торгуй, этот товар не годится. Хоть бы еще понимали что. Какое уж тут положение — аховое...

Сдавленный смешок прошелестел по классу. Учительницу передернуло.

— Вы переутомились, господин Мирисаев, вам крайне

необходимо отдохнуть, а еще лучше — подлечиться, — подчеркнула она последнее слово.

— А мы уже вчера отлично отдохнули. Два фильма посмотрели — усталость как рукой сняло, — ответил он и подумал: «А здорово я про кино ввернул!»

— Вы... вы свободны, господин Мирисаев, — отчеканила учительница, указав на дверь. — Продолжайте свой отдых.

— До встречи в кабинете завуча, — склонил голову Асрор и, подхватив портфель, не торопясь вышел.

В классе поднялся смех, но учительница ударом ладони по столу оборвала его.

Асрор медленно шел по коридору. И зачем ему это было нужно, мало ему вчерашнего. Хотя, ведь если бы не она, то его бы не было вчера на берегу Анхора. Он устал после ночного бдения на очередной свадьбе и намеревался вчера после уроков пойти домой отдохнуть. Даже в мыслях не было встречаться с Камариддином! Но проходя мимо кинотеатра, увидел Дильфузу в их компании — она искала Асрора, чтобы рассказать о разбирательстве в кабинете завуча. Он озлился, вернулся к компании за сигаретой. Тут спохватились, что сигареты кончились, и Шамиль с Салимом подошли к мужчине, вышедшему из пивной.

— Поджидаете, дерьмецы! — вдруг заорал тот на них. Что-то там еще произошло, Шамиль отлетел, подбежал Камариддин. Мужчина принялся беспорядочно махать кулаками, потом выхватил нож и саданул Салима в бедро. Тогда и началось: они набросились на обидчика скопом...

И во всем этом виновата учительница географии — с нее все началось!

Сразу после звонка к нему подбежал Атаула, старавшийся всегда держаться поближе к Асрору.

— Ну, ты даешь, босс! — покрутил он кудрявой ухоженной головой. — Нашел с кем связываться! География у нас последний год. Оценка в аттестат идет!

— Подумаешь...

— Да, — вздохнул Атаула, — легко тебе говорить. У тебя голова! Только... ты не кипятись. Я извинился за тебя.

— А, фиг с ней. Бери эту пятерку себе.

— Мне и четверка сойдет... В гробу я видел экономику Бразилии. А вот экстремумы функций, о которых ты говорил, у меня поперек горла стоят и в голову не лезут. А пахан голову снимет, если не наберу к нархозу приличного балла. Ты его знаешь...

Кто же не знает отца Атаулы, заведующего двухэтажным магазином.

— А на кой ты мне это долдонить? — удивился Асрор.

— Вай, босс, нервный какой. Я тебя помирю с географичкой, а ты замолви своей старушке... Пусть войдет в положение: все равно эти леммы-теоремы мне не по зубам — с меня хватит и таблицы умножения. Пусть не морочит мне голову.

— О кей' — брезгливо согласился Асрор, лишь бы Атаула отстал.

— О, заметано. Завтра сдам кусок.

— Какой кусок?

— На свадьбу... Ты же сам сказал.

Асрор рванулся к классу. «Ах вы байчики! Деньги мне собираете! Душу из Заира вытрясу!..» — Но тут прозвенел звонок, и вошел учитель литературы.

— Значит, так, — провозгласил он, внимательно окинув взором класс, — литературу тридцатых годов отложим до следующего урока, а сейчас — сочинение на свободную тему: «Счастливое детство». РайОНО интересуется вашим мнением по этому поводу.

— Всем писать? — спросил любимец литератора Заир.

— Тебе особое приглашение, дорогой Заирали.

— Но сочинение-то свободное?

— Демагогия... Начинайте, начинайте, не теряйте времени.

— Самад-ака, мы уже не дети. Детство прошло. Тема не по адресу.

— О, мой милый Заирали, детство кончается, когда человек способен отвечать за свои поступки сам, не сваливая на других. Для многих это время не наступает никогда... Но даже повзрослев, вы не расстанетесь с детством, потому что оно часть вашей души. Лучшая, быть может, часть.

— Самад-ака, — не сдавался Заир. — Может быть, так и написать: «Прощай, детство»?

— Не я придумывал тему. Да и разве в названии дело?

Асрор вырвал из тетради двойной лист, написал на нем «Счастливое детство» и задумался.

«Прав Заир. На свободную тему нельзя писать принудительно. Это даже и жестоко. Что может написать о счастливом детстве, к примеру, Тураб, тело брата которого привезли из Афганистана в цинковом гробу. А мать, не выдержав горя, сошла с ума и теперь в психушке. Семеро детей мал-мала меньше на попечении отца... А Манзура? Отец их бросил. Что она напишет?.. Да и Атауле не просто. Не напишет же он: «Я счастлив, потому что у моего отца много денег».

А если эту тему предложат Дильфузе? Ей что, писать о капризах отца, инвалида без двух ног? Или о том, каково жить в детдоме?

Заир только, пожалуй, хоть и препирается, найдет, что написать. Во-первых, талант — уже в газетах печатается; во-вторых, и вправду ему повезло. Семья небольшая, дружная. Детей — только он да младшая сестра.

Ну, а сам я? О чем мне писать? О том, как ублажаю на свадьбах гостей? Или о вчерашнем? Тысяча проклятий!

По устремленным взглядам Асрор вдруг понял, что последнюю фразу произнес вслух. Покраснев, он быстро собрал вещи и вышел из класса.

— Босс заболел... — услышал он вслед.

Милицейские будни

Анхор в это время года относительно спокоен, и подводные поиски длились недолго. Труп выловили, отправили на экспертизу. В руках майора Салиева осталось удостоверение, обнаруженное в кармане жертвы, на имя Миркасиа Миртиллаева, рабочего авиационного объединения.

Осмотр места происшествия никаких вещественных доказательств не дал, даже окурков. Только трава примята и один четкий след в глиняной плеша, словно кто-то специально расчистил и примял место, чтобы наступить полной ступней.

Было над чем задуматься.

Ближе к полудню Талгат Шамурадов оказался возле пивной. Здесь вовсю кипела работа: загружали пустыми бутылками бортовую машину. Другая, с полными, дождалась разгрузки.

— Помочь, шеф? — предложил свои услуги Талгат.

— Четыре бутылки, — сразу назначил цену хозяин.

— Шесть.

— Пять.

— Шесть.

Время было дороже — заведующий согласился.

По окончании разгрузки он выставил на стол перед Талгатом шесть бутылок.

— Поставь в холодильник, — отмахнулся Талгат. — В одиночку не пью, пусть люди придут. Кстати, шеф, если не возражаешь, пару месяцев я вам буду помогать. Пока получу паспорт и устроюсь на работу. Но вы меня не бойтесь, не рэкетир. Зато если кто возникнет против вас, будет иметь дело со мной. Вот ксива.

— Так за что ты сидел? — ничего не понял в «Свидетельстве об освобождении» хозяин.

— Там же ясно написано: 204-я. «Хулиганка». Челюсть одному свернул.

— За шесть бутылок, говоришь? — задумался хозяин.

— Шесть — за разгрузку, и сорок буду покупать.

— Зачем тебе?

— Надо удовлетворять потребности людей, когда ваш дворец закрыт...

— Ерунду несешь, занимайся своим делом. Хлопот из-за тебя потом... — Он не договорил, так как Талгат схватил его за грудки. Сын заведующего бросился было на помощь, но Талгат ногой слегка ткнул его в пах, и парень, визжа, отлетел.

— Не суйся, парень, — бросил ему Талгат. — Мы с твоим папулей сами договоримся...

— Договорились, — прохрипел хозяин. — Только торгуй подальше отсюда. Вон под тем мостом, например.

— Это уж мое дело. Вернусь через два часа. И чтобы мой вчерашний столик был свободным...

Через два часа, как и рассчитывал Талгат, за «своим» столиком он обнаружил троих битков, развалившихся на стульях. Ясно, что хозяин пожертвовал еще десятком бутылок, чтобы поставить Талгата на место.

Талгат приблизился к парням и подозвал хозяина.

— Вы предупредили их, что столик занят?

— Да, — машинально ответил растерянный хозяин.

— Тогда принесите мою записку, а братишки пока освободят место.

«Братишки» переглянулись, но остались на месте. Талгат пригласил их на «мужской разговор». Вся троица одновременно поднялась и вышла на улицу. Талгат прислонил стулья к столу, попросил соседей сказать, что столик занят, и последовал за парнями.

Заведующий пивной внимательно следил за инцидентом, но все равно не заметил, отчего трое парней враз разлетелись в стороны. Снова бросились на Талгата, и снова разлетелись. В пивную они вернулись уже друзьями. Поняв, что этот раунд проигран, хозяин принес пиво, вежливо поставил на столик и молча удалился.

Парни довольно долго отходили от «дискуссии», и Талгату стоило большого труда разговорить их.

Через три стола от них сидел косоглазый парень с двумя подростками.

— Кто это? — спросил Талгат.

— Косой-то? Камар, — ответил один из новых «приятелей».

— Часто здесь?

— Когда каждый день, а когда и нет подолгу.

— У него деньги водятся?

— Большие вряд ли. Мелкоту вокруг себя обирает.

— Отнеси ему на стол две бутылки, потом самого пригласи, — распорядился Талгат.

Камариддин принял пиво нехотя. Потом шепнул на ухо одному из подростков, и тот, купив восемь бутылок пива, поставил их на столик Талгата.

— О, этот ваш Камар парень что надо, — оценил Талгат. — Иди-ка, пригласи его. Скажи, Грегор зовет.

Камариддин не спешил, допил стоящее перед ним пиво и лениво подошел. Талгат, не поднимаясь, протянул ему руку. Камариддин поздоровался только кончиками пальцев.

— Садись. Я — Грегор, не слышал?

— Грегоров много. Ты который?

— С «курорта» вернулся.

— И таких полно. Тебе чего?

— Нужны место и деньги, пока не пущу корни.

— Ищи, если нужно.

— Не поможешь?

- Я такими делами не занимаюсь.
- Ты забыл закон гостеприимства, может, напомнить?
- Попробуй, — поднялся Камариддин.

После того, как Камар профессионально парировал несколько ударов, Талгат прекратил драку.

- А ты парень что надо, давай корешовать.

— Держись от меня подальше, Грегор! — резко ответил Камар, оставив протянутую руку Талгата висеть в воздухе. Он позвал поджидавших его пацанов и пошел по улице.

- Талгат пожал плечами и вернулся в пивную.

Человек, затаивший обиду

Проходя мимо кинотеатра, Асрор посмотрел на тополевую аллею. Камариддин в одиночестве сидел на скамейке, дымил сигаретой. Своих «шестерок» он, видимо, куда-то отослал.

- Где был вчера? — поинтересовался Камариддин.

- В кино.

— Профессор! Голова работает, — одобрил Камариддин. — А я только сегодня приехал из Ферганы. Вот, — показал он билет, — считай, только что сошел с поезда, и никаких «вчера». Лишь бы ты не сорвался...

- А как там Салим? — спросил Асрор.

— У Салима все о'кей... Профессор, да на тебе лица нет! — взгляделся Камариддин. — Брось, не думай! Сам сяду, но тебя не потяну. И всем наказал: не было тебя среди нас! Потому что у тебя голова светлая — тебе учиться надо. Запомни: даю тебе пятнадцать лет, — возбужденно продолжал вожак, — если за этот срок не станешь профессором — сделаю тебя вором. Понял? — Он хлопнул Асрора по плечу.

Не в первый раз он заводит подобные речи, и не может понять Асрор: то ли шутит Камар, то ли всерьез говорит.

— Вот тебе мой совет: после школы уходи из дома. Отец твой — дерьмо человек. Да!.. Раз он не хочет, чтобы ты учился, — я буду тебя учить. Деньги получишь вместе с аттестатом. Если до того меня загребут, письмом сообщу: книгу возьми там-то или у того-то. Понимай, что деньги. Распоряжайся ими по своему разумению. Но если не будешь учиться, если профукаешь их — убью. Выйду и убью...

Нет, Камар не шутил. Вчера еще Асрор убедился, что вожак исполняет свои угрозы с тем же хладнокровием, с каким их произносит. Он не суетился, не дергался. Спокойно обшарил карманы убитого, подтянул его к воде. Потом четверо раскачали тело и швырнули в Анхор. Словно тяжелый камень погрузился в воду. «Разбегаемся, — сказал Камар. — И зарубите на носу: сегодня мы не виделись!» — И в голосе ни волнения, ни испуга. Разволновался Камар сейчас, когда вдруг перешел на напуганный, вернее даже, на отеческий тон:

- И еще один совет. Не женись на этой красотке, не будет

она тебе хорошей женой. Даже если втрескался по уши — не женись! Сначала она будет любоваться тобой и выставлять напоказ, какой ты у нее замечательный, а потом и растрянжирит твою жизнь на пустыки... Тебе не это нужно!

— Но... Она нравится мне, ты же знаешь... — возразил Асрор.

Камариддин не стал настаивать. Вытащил пачку крупных купюр и протянул Асрору:

— На, держи, отдай своей красавице.

— Не возьмет она. Это... вчерашние?..

— Не твое дело! Скажи, что твои. Сам же говорил, что ее отцу нужна новая коляска. — Камариддин вложил деньги в ладонь Асрора.

— Ты говоришь так, словно собираешься уезжать, — заметил Асрор, засовывая пачку в карман.

— Все нужно делать вовремя... Уезжать не собираюсь. Только вернулся из путешествия, не так ли? — ухмыльнулся Камариддин.

— Камар, зачем ты взял деньги у убитого?..

— Деньги — народное достояние. А оно не должно гнить в воде. — Добродушия как не бывало на лице жоака. Вновь что-то жестокое и зловещее проступило в его усмешке. Который же он настоящий?..

— Ладно, Камар, я пошел, — поднялся Асрор. — Пойду проведаю Салима.

— Зайди в аптеку, бинта побольше купи. Надо перевязать Салима...

Асрор многое знал о жизни Камариддина — как никто в их компании.

Камариддин открыл глаза в роддоме, в доме малютки начал ходить и что-то осознавать — в детдоме. Отца он не знал никогда, а о том, что у него есть мать, узнал в третьем классе.

Была весна. Пышно цвели деревья. Солнце било в директорские окна. Красивая женщина с короткой прической, яркими глазами и губами, в белых брюках и кофточке, раскрыла навстречу объятия: «Сынок! Сыночек мой...» Он лишь недоуменно смотрел на нее и не двигался с места.

Ведь раньше, как и все дети, он ждал, что придут взрослые и усыновят его. Но никто не взял, потому что и глазами немного косил, и косолап был, как медвежонок. Даже бабушка не забрала.

Потом пришло сознание: как же взрослые его заберут, если они не его родители. Например, у толстушки, которую прозвали Терешковой и с которой Камариддин часто играл, родители взорвались в космическом корабле, на пути к Солнцу. А его папа и мама героически погибли при штурме Берлина. В последний день войны. Правда, с началами арифметики выяснилось, что родился он гораздо позже конца войны, и его родители погибли не в Берлине, а... спасая людей во

время ташкентского землетрясения. Так что эта женщина жлет. Никакая она ему не мать!

Камариддин не подошел к матери ни в первый раз, ни во второй, ни в третий. И ей не позволил приблизиться.

Правду, банальную и горькую, в конце концов открыла ему бабушка: «Я обрадовалась, узнав о твоём рождении. Но когда в день выписки пришла вас встречать, то встретила одну твою мать. Она была очень молода. Не хотела ломать себе жизнь.... Я надеялась, что все образуется, когда она выйдет замуж. Опекунства над тобой мне не дали, но зато я выбрала тебе имя, назвала Камариддином, чтобы лик твой был всегда светел, как месяц, сынок...»

Мать не показывалась после того года два. И забрала его только на похороны бабушки, рассчитывая, что он останется с ней. Здесь Камариддин узнал, что бабушка вовсе не была ему бабушкой, а квартирной хозяйкой матери. Через два дня он вернулся в детский дом.

А дальше истории все криминальные.

В шестом классе Камариддин избил трех ребят, которые не желали, чтобы он проходил в школу по их улице. Они учились в той же школе, были даже постарше и, видимо, не знали, что «подкидьш» уже два года занимается боксом. На крики из ворот ближайшего дома выскочил толстый человек, отец одного из поверженных. «Они первые начали!» — крикнул Камариддин, ожидая, что взрослый восстановит справедливость. Но получил мощную затрещину. «Пошел вон, мерзавец! Дерьмо детдомовское!» — орал тот, брызгая слюной. По жалобе родителей тех ребят Камариддина едва не исключили из школы, долго прорабатывали в детдоме.

Через неделю на той же улице к Камариддину вновь подступили «байчики». На этот раз впятером. «Я пришел извиниться перед тобой», — виновато проговорил Камариддин Назиму, главному своему обидчику, и вдруг неожиданным жестоким ударом сбил его на асфальт. Дружки вмиг рассыпались в стороны, визжа на всю улицу. Из ворот выбежал отец Назима, как был дома, в пижаме. Но Камариддин уже сжимал в руке увесистый камень. Размахнулся. И огромный человек, обхватив голову руками, рухнул перед ним. Вторым камнем Камариддин разбил стекло стоящей перед домом голубой «Волги» и убежал.

Через пять дней его отловили в Кзыл-Орде, отправили назад. После разбирательства определили в спецшколу для трудновоспитуемых, окруженную забором с колючей проволокой. Здесь тоже не скупилась на слова о том, что такое хорошо и что такое плохо, с той лишь разницей, что слова здесь подкреплялись командами, конвоем, карцером.

После восьмого класса Камариддин вернулся к матери — она взяла его на поруки. Милиция припустила его в ПТУ, но он туда не ходил и целыми днями шлялся по улицам.

Однажды, распив с друзьями несколько бутылок «Мусал-

ласа», Камариддин зашел домой на взводе. На кухне сидел ухажер матери. Сев напротив, Камариддин потребовал, чтобы ухажер бросил свою семью и женился на его матери. Тот направился к выходу. Мать пыталась образумить Камариддина, но он догнал ухажера в прихожей и изругал грязными словами. Мужчина наконец, не выдержав, закатил подростку пощечину и тут же сам, согнувшись, опустился на пол — Камар боднул его в живот. Хотел еще добавить, но мать оттолкнула. «Ну, ладно», — выдавил Камар, бросился на кухню и схватил большой нож. Вернувшись, увидел мать сидящей на стуле и как бы баюкающей голову ухажера. Она закричала, увидев нож, но было поздно: прыгнув, Камариддин вонзил его в шею мужчины. Хотел сгоряча и мать порешить, но что-то удержало его руку.

Потом был суд. Два года детской колонии, а после — восемь лет взрослой зоны сделали Камариддина, как он сам говорил, «академиком» криминального мира.

Мать не встретила его из тюрьмы. Он сам пришел к ней и стал жить в ее квартире. Нужна была крыша над головой...

Все это Камариддин рассказывал Асрору в минуты особенного настроения, а потом обещал выгучить его «на профессора». Все это было понятно и даже в книгах встречалось, но Асрор не мог постичь одного: почему именно он, Асрор, стал целью благотворительных желаний вожака. И как себя вести, если в ответ чувствуешь не благодарность, а, пожалуй, страх. Асрор боялся Камариддина после вчерашнего убийства. И эти деньги, извлеченные из карманов убитого...

Дверь в квартиру Камариддина не была заперта. Салим лежал в одиночестве на диване и стонал.

— Болит? — спросил Асрор, подойдя.

Салим ничего не ответил, закрыл глаза. Вид страшный, лицо белое, как простыня. Асрор потрогал его лоб. Горячий.

— Может, доктора позвать?

— Нет, — произнес Салим. — Из-за такого пустяка... Попить дай... горит все внутри...

Сделав глоток, Салим снова застонал.

Асрор откинул одеяло. Бедро было забинтовано. Кровь проступила сквозь бинты.

— Давай сменю повязку, — предложил Асрор.

— Не трогай! — замотал головой Салим. — Камар йодом залил. Заживет... Зачем пришел?

— Как это зачем? Проведать.

— Больше не приходи. Вчера тебя не было. Ты ничего не знаешь.

— Камар сказал?

— У самого голова на плечах.

— Салим, я ведь тоже пнул его, — запротестовал Асрор. — Мне кажется, он умер именно после этого.

— Не знаю, я не видел тебя там.

— Да что ты за человек?! — распалился вдруг Асрор. — Он же тебя ножом ударил! Мы имели право его убить!

— Дурак! — простонал Салим. — Не имели мы никакого права... Уходи...

Асрор не шелохнулся, не веря, что Салим действительно его прогоняет. Видимо, боль слегка отпустила, Салим открыл глаза.

— Передай моим, что меня срочно забрали на соревнования. Дай воды...

Утолив жажду, Салим вздохнул.

— Подай-ка сигареты.

Асрор протянул ему пачку, лежавшую на столе. Салим дрожжащими руками вытащил сигарету и понюхал. Раздраженно отбросил. То же проделал и со второй, третьей и, наконец, смял всю пачку. «У, сволочь, не оставил!» — заскрежетал он зубами. Асрор понял, что требовалось Салиму.

— Ищи же! — крикнул на него Салим.

Асрор осмотрел комнату, но ничего не нашел. Салим стал изрыгать проклятия на голову Камара.

Асрор поставил у его изголовья чайник с водой и ушел.

Дом Салима приютился на другом берегу Анхора среди громадных многоэтажек, обступивших его со всех сторон.

Переходя речку по мосту, Асрор вдруг остановился и долго смотрел в воду, словно кого-то увидел. Нет, ему ничего не могло померещиться. Ведь того человека бросили гораздо ниже по течению. Асрор поспешил дальше и перестал оглядываться, только когда Анхор остался за домами...

Хибарка из двух комнат и веранды, полвека назад выстроенная дедом Салима, казалось, готова рассыпаться. Отец Салима, хромой то ли от рождения, то ли от несчастного случая, торговал по улицам семечками и куртом. Дом держался на матери, крутившейся с утра до вечера. Но как уследить за всеми: одиннадцать детей. Так и вышло, что две сестры Салима нагуляли детей, продавая по домам молоко. Одной удалось организовать свадьбу, другая так и осталась...

Асрор с Салимом дружили с детства, вместе учились. Но после восьмого класса Салим ушел в ПТУ, чтобы помочь семье. А семья Асрора переехала в новую многоэтажку.

— Твоего друга нет дома, — сообщила мать Салима, мяся болтушку для коровы.

— Я знаю, — кивнул Асрор. — Он просил передать, что срочно уехал на соревнования.

— А, пропади пропадом его бокс!

— Вернется после соревнований.

— А куда денется, явится, как мулла на ишаке, на все готовенькое. А я должна тут на них спину гнуть... Как мать твоя горемычная? Пусть заходит, поболтаем.

Асрор усомнился про себя, что у нее найдется время поболтать.

Обратно через мост он шел, не глядя на воду и изо всех сил удерживая взгляд на верхушках деревьев. И это ему удалось.

Вторая нить одного клубка

Заключение экспертизы оказалось неожиданным — покойный Миркасим Миртиллаев скончался не от побоев. Он был жив, когда его сбросили в воду. Убийцы поторопились.

На заводе, где работал Миртиллаев, майор Салиев выяснил, что накануне тот получил зарплату, в основном мелкими купюрами. Значит, деньги могли заметить и напасть с целью ограбления. Много ли нужно подросткам. Отношения с рабочими, по словам начальника цеха, были нормальными, правда, последний вот случай — повздорил с учеником. Потребовал, чтобы того уволили за нерадивость.

— Фамилия, адрес? — заинтересовался Максуд Салиев.

— Кельдияров Санджар, — уточнил по журналу начальник цеха. — А вот и адрес.

Салиев отметил, что покойный жил в одном районе с Кельдияровым.

С завода он направился в инспекцию по делам несовершеннолетних.

— Двадцать третий дом на вашем участке? — спросил он лейтенанта Муллакузиева. — Кельдиярова Санджара знаете?

— Как же...

— На учете состоит?

— Должен бы, но...

— Ну-ка расшифруйте ваше «но».

— Товарищ майор, этого парня лучше не трогать. У его отца очень длинные руки...

— Благодарю за предупреждение, — холодно ответил Салиев. — А теперь, пожалуйста, о подвигах Кельдиярова.

— Кельдияров с четырьмя друзьями купил японский видеоманитофон...

— На какие деньги?

— Полагаю, на родительские... Открыли нелегальный видеосалон и крутят видики.

— Бесплатно?

— Кто же сейчас что-то делает бесплатно... Когда мы накрыли их, раздался звонок.... После этого папаша Кельдияров устроил сына на завод.

— Это все?

— Ну... обнаружили анашу. Покуривали они там...

— Что еще? — требовал Максуд Салиев, чувствуя по ускользающему взгляду лейтенанта, что еще не все сказано.

— Да вот... Я был возмущен, когда дело замяли. Этот байский отпрыск ввалился с компанией ночью в больницу и потребовал от дежурного врача наркотиков. Когда тот отказал,

его избили. А потом... потерпевший от своих показаний отказался. То ли подкупили, то ли припугнули...

Салиев и прежде встречался с нападениями наркоманов на дежурных врачей. Оказывается, вон куда ниточка тянется. Не есть ли убийство Миртиллаева — мафиозная разборка?

— Проводите меня к Кельдияровым, — распорядился майор.

Дверь открыл кудрявый, круглолицый парень. Узнав лейтенанта, он презрительно поджал губы.

— Санджар, родители дома? — поинтересовался лейтенант.

— Нет, они на курортах.

— Почему ты не на работе? — резко спросил Салиев.

— А я в отпуске. А какое вам, собственно, дело?

— Когда ты в последний раз видел мастера Миртиллаева? — не изменил тона майор.

— А черт его знает... Сто лет назад, тысячу. Вообще бы его не видеть.

— Это правда, что он ударил тебя на заводе?

— А что с него взять? — махнул рукой Санджар. — Быдло.

— Как это произошло?

— Да надоел он мне: «Труд создал из обезьяны человека, а если человек не будет трудиться, то снова превратится в обезьяну». Ну, и в таком духе.

— А ты?

— А я сказал, что в его случае именно труд превратил человека в обезьяну, что пришел конец их долбаной диктатуре и гегемонии, когда ишак поучал человека.

— А он?

— Врезал мне своей обезьяньей лапой. Довольны? — усмехнулся Санджар. — А я, между прочим, пальцем его не тронул.

— Но отплатить, наверное, хочется? — улыбнулся Салиев.

— Поживем — увидим. Пресс-конференция окончена.

— Значит, ты один? — вновь спросил майор.

— Так точно, — отрапортовал Санджар.

— Что же ты нас в дом не приглашаешь?

— А папуля запретил пускать посторонних... К тому же, чтобы войти в дом, вы обязаны предъявить какую-то бумажку от прокурора. Или я ошибаюсь?

— Рад, что ты знаешь закон, — ответил майор. — Ладно, будь здоров.

И они вышли на улицу.

— Будьте у себя, я позвоню вам, — сказал майор вопросительно смотрящему на него лейтенанту.

Настроение было испорчено. Старость не радость: его нервы, видно, уже не годятся для оперативной работы, так и рвется наружу брюзгливость и желание порассуждать. На-

пример, о кастовой наглости молокососа, которая хуже и опасней обычного криминального хамства. Ведь одно дело — молодцеватость уголовного, гордого своими «университетами», и совсем другое — когда само уголовное право попирается в основе. Когда понятия вины и возмездия зависят от «длинной руки»... Интересно, что будет делать старший Кельдияров, если Санджар окажется одним из убийц Миртиллаева? На какие рычаги нажмет? И не ждет ли его, Максуда Салиева, позорное завершение службы?..

— Действительно, у Кельдиярова были руки длинные, — уточнил служащий в городской прокуратуре, старый знакомый Салиева. — Этого «были» и не учитывают в вашем районе. Так что действуйте свободно, ориентируясь по обстановке. Если Кельдияров решит вмешаться, ему же будет хуже...

Вдохновленный таким напутствием, майор установил слежку за домом Кельдиярова, но долго и следить не пришлось. В тот же день он позвонил лейтенанту Муллакузиеву и назначил встречу на одиннадцать вечера.

— Слава богу, есть, значит, и на них управа, — сказала соседка из квартиры справа, соглашаясь быть понятой. Сосед слева помялся, но отказаться, конечно, не решился.

Полуодетый Санджар хмуро посмотрел на соседку. Увидев майора, вздрогнул и попытался захлопнуть дверь, но лейтенант вовремя подставил ногу.

— Пожалуйста, — протянул майор ордер, — вот и бумажка от прокурора. Ты по-прежнему один или у тебя гости? — спросил он и, не дожидаясь ответа, шагнул в прихожую.

— Ты стой здесь, — приказал он онемевшему Санджару. — А вас я попрошу пройти со мной, — обратился Салиев к понятым.

Из комнаты слышалась громкая иностранная речь. Майор открыл дверь. На экране мелькала порнографическая сценка, в комнате происходило примерно то же, что и на экране. Салиев включил свет.

— Полюбуйтесь на них, — пригласил он понятых.

Голые парни и девичьи принялись лихорадочно одеваться.

— Всем оставаться на местах! — твердо приказал Салиев «телезрителям». — А вы, лейтенант, приобщите к делу все сигареты, самокрутки, начинайте допрос.

В других комнатах компании были поменьше, но того же рода занятий.

— Можно я позвоню? — впервые, заикаясь, произнес Санджар.

— Пожалуйста, телефон твой, — разрешил майор и проследил за набираемым номером.

— Это я, Санджар, — сказал парень в трубку, быстро глянув на майора. — У нас гости. Милиция..

На этом разговор и закончился.

— А теперь пройди к лейтенанту и ответь на его вопросы, — легонько подтолкнул парня в спину Салиев, а когда тот

ушел, позвонил в управление и попросил установить абонента по номеру телефона. Ответ поступил удивительно быстро. Номер принадлежал заместителю Кельдиярова.

В комнате был целый склад аппаратуры: видеокамеры, три магнитола, фотоаппарат — все японского производства. Кельдияров, конечно, не нищий, но зачем ему столько?

Никто из гостей об этих вещах ничего не знал. Санджар же утверждал, что все это принадлежит его семье. Вот только сверток с анашой не нашел своего хозяина.

И тут, во время допроса, демонстрируя свою оперативность, загудела телефонная волынка. Сначала позвонил замначальника его родного райотдела и потребовал, чтобы Салиев оставил Кельдияровых в покое, если хочет спокойно уйти на пенсию. На что майор потребовал письменного приказа о прекращении дела. Потом позвонил начальнику РОВД прямо домой и обрисовал ситуацию.

— Да, деликатное дело, — проговорил тот в сомнении. Было ясно, что и он чувствовал себя не в своей тарелке. Он-то может потерять гораздо больше, чем Салиев.

— Действуйте, как сочтете необходимым, — наконец прервал он молчание и сердито прибавил: — Не маленький.

Да, действительно, не маленький, и звонил вовсе не просить совета, как вести дело, а предупредить, что игра на «чертовом колесе» началась.

Вернувшись в комнату, Салиев заметил, что гости заметно приободрились, надеясь на силу телефонных приказов.

— Мы больше не будем, — издевательски-жалобно пропихал один. Другие захихикали.

— Верю, — кивнул Салиев. — Но сейчас каждый из вас письменно изложит, где был вечером два дня назад.

— А потом отпустите?

— Вы спешите? Тогда сообщите номера ваших телефонов, пусть родители заберут вас.

— А у нас нет телефонов.

— Лейтенант, установите адреса через дежурного по городу, вызывайте родителей. Да, и свяжитесь с женскими обществами...

— Ладно. Есть у нас телефоны, — остановил поднявшегося было лейтенанта один из ребят. — Но учтите, вам это может дорого обойтись.

— Лейтенант, запишите телефоны и приступайте, — веско произнес Салиев.

Как только Муллакузиев освободил телефон, выслушав поток угроз и предупреждений, раздался звонок. Трубку взял Санджар.

— Да, папуль, — посветлел он лицом. — Все в порядке. Просто сидели с приятелями... Нет, не балдели... Те же... Ничего плохого... Сейчас, — протянул он трубку майору.

— Майор Салиев, — сухо представился тот.

— Я — Кельдияров, — раздался уверенный начальственный голос. — В чем дело, товарищ майор?

— Противозаконные действия, товарищ Кельдияров.

— Встречи с друзьями запрещены законом?

— Нет, запрещены разврат, распространение порнографии и наркотики...

— Товарищ майор, — попросил Кельдияров после паузы, — простите пацанам эту шалость. Когда вернусь, поговорим с вами спокойно.

— Это не шалость, а преступление.

— Пусть так, — чувствовалось, что Кельдияров с трудом сдерживает гнев. — Я уверен, что мы с вами найдем общий язык.

— Товарищ Кельдияров, сколько у вас дома видеомэгнетофонов?

— Один есть.

— А видеокамер?

— Нету, а в чем дело?

— А фотографией вы занимаетесь или Санджар?

— Да что вы мне голову морочите? Я же сказал вам, мы найдем общий язык...

— Я понял. Но, по словам вашего сына, это ваши вещи.

— Ах, так?.. Прошу вас, не давайте пока документам официального хода. Я завтра буду...

Мальчик из кувшина

Асрор с опозданием вышел к завтраку. Младшие братья уже давно сидят. Во главе стола — отец. Торопливо отхлебывает чай из пиалы, словно сейчас у него отнимут. Манера такая: и говорит быстро, и работает... Он явно обижен, потому что Асрор вчера не пошел с ним на очередную свадьбу, и не отвечает на приветствие старшего сына.

Мать подбодрила Асрора взглядом: мол, не переживай — подуется и успокоится.

Завтрак проходил в молчании. Мать не выдержала и выложила новость:

— Отец, вы слышали, Миркасим-ака умер...

— Миркасим-ака? Когда? Как? Что случилось? — затараторил отец.

— Говорят, в Анхоре утонул.

— Как это? Он купался?

— Да нет. Кто говорит, что упал в воду, а кто — что ударили и утопили. Недалеко от пивной, чтоб она сгорела!..

Асрор застыл с пиалой в руке. Это тот человек! Родители его знают!.. Значит, его взгляд означал... Он узнал Асрора! Но почему же тогда Асрор его не узнал?..

— Асрор, ты сходи с отцом на поминки, — услышал он голос матери. — Ведь он, бедняга, очень любил тебя, когда ты был малышом... Господи! Хоть бы теперь разлюбил! — воск-

ликнула мать, имея в виду, что любовь мертвеца затягивает в могилу. Асрору же послышалось в ее словах иное...

— Да он его и не помнит, — откликнулся отец.

— Конечно, — подтвердила мать, — раз не поддерживали знакомства. Мы жили у них на квартире, — пояснила она Асрору, — прекрасные люди.. Несчастные... Осенью жена внезапно умерла. Теперь вот он. Бедные дети...

— Сколько их у него? — спросил отец.

— Шестеро, кажется. Старший всего на два года старше Асрора.

— У каждого своя судьба, — изрек отец и продолжил: — Впрочем, родственники, наверное, есть. Как не быть. А нет — так на улице не останутся, в детдом отдадут...

Тут раздался звонок в дверь. Асрор, воспользовавшись моментом, хотел было исчезнуть, но отец сказал, что у него есть к нему разговор.

Совершенно неожиданно для Асрора мать ввела Заира с Турабом.

Асрор почувствовал себя, как птица в клетке, готов был провалиться от стыда, сообразив, что они принесли деньги, собранные классом.

— Дядя Хафиз, — начал разговор Заир, дипломат и оратор, — у нас к вам просьба, вы уж будьте добры, не откажите. У нашего друга сестра выходит замуж. Вот здесь небольшой задаток, — протянул он деньги. — Об остальном, надеюсь, договоримся.

— Йе, йе, сынок, вам, оказывается, пришлось похлопотать. Что ж, давайте уточним. Когда свадьба?

Тураб сообщил дату. Отец Асрора полистал свою тетрадь.

— О! Вам повезло, как раз в этот день мы свободны. Уж мы с Асрорбеком раззадорим свадьбу, можете не сомневаться! Прошу к столу...

Но ребята, сказав, что опаздывают в школу, ушли. Даже не позвали Асрора с собой.

Когда, покусав, убежали младшие братья, отец начал свое внушение:

— И машину, и эту квартиру, и все, что в ней, я с собой в могилу не заберу. Все это ваше. После меня вы глава своим братьям. Аллах дал мне голос не на всю жизнь, а когда я его потеряю, никто нам черствой лепешки не подаст... Вчера вы не пошли со мной, и крупную сумму положил себе в карман чужой человек... Что вы из себя строите, Асрорбек?

Это саркастическое «вы». И почему в нерасположении все обращаются к Асрору на «вы»? Как все ему надоело!

— Да будет вам, отец, — вступилась за Асрора мать. — Ему нездоровилось. Разве до этого он хоть раз ослушался?

Зайдя в свою комнату, Асрор вдруг обнаружил, что нарочь забыл, какие сегодня уроки. Такое с ним было впервые... Побросал в «дипломат» что под руку попало, и убежал из дома.

Сначала он ненавидел отца за то, что тот принял деньги у Заира, а теперь казнил себя: почему он не объяснил отцу, что брат Тураба погиб в Афганистане, мать сошла с ума, давайте поддержим их, сделаем доброе дело. Неужели бы не понял?.. А кто его знает, может, и не понял бы, не пожелал понять... И с каким лицом он теперь войдет в класс?

И вдруг, словно молния, мелькнуло у него в мозгу: Камариддин! Камариддин спасет его от позора!

Дверь открыла мать Камариддина. В глазах ее темнела тревога. Камариддин тоже был мрачен. Похоже, они с матерью поссорились. Когда Камариддин уводил Асрора в свою комнату, она крикнула ему вслед: «Смотри, судьба этого мальчика на твоей совести!..»

Салим лежал на кровати Камариддина. Еще больше осунулся и побледнел. Губы потрескались. Он уже не стонал — лежал обессиленный, почти в протрации.

Асрор поделился с Камариддином своими заботами и попросил: можно ли ему деньги для Дильфузы использовать для задатка отцу? Камариддин одобрил его идею.

— Камар, того человека нашли.

— Знаю.

— Говорят, что, может, он сам утонул.

— Отлично, — улыбнулся Камариддин. — Видишь, дела складываются удачно... Ну, беги в школу, а то опоздаешь...

Настроение ощутимо улучшилось. И из-за денег, и потому что этими слухами обрадовал Камара.

На перемене Асрор подозвал Заира с Турабом и протянул им деньги.

— Отец обиделся. Из-за вас и мне досталось, — попенял он Заиру. — Верни ребятам... А это, — протянул он другую пачку Турабу, — от нас на свадьбу.

— Не надо, — убрал руки за спину Тураб.

— Бери-бери, — поддержал Асрора возникший возле них Атаула, — от свадебных подарков не отказываются. И эти деньги, Заир, отдай — от класса.

— Нет-нет, — отскочил Тураб, — обижусь, уйду из школы! Все есть, всего хватает, только певца не было. Заир, верни ребятам...

После уроков Асрор долго ждал на улице Дильфузу. Подошел Заир.

— Дильфузу ждешь? — поинтересовался он. — По-моему, ее сегодня не было.

— Откуда знаешь?

— По твоему лицу вижу, — засмеялся Заир.

— Иди-ка своей дорогой!

— Да я пошутил. Идем, не будет Дильфузы, я ее в самом деле сегодня не видел.

Они пошли рядом.

— Послушай, это правда? Ты не наврал, что отец вернул деньги? — спросил Заир.

— Не веришь?

— И не поверю. Ты — одно, он — совсем другое... Ты в кувшине вырос...

— О чем это ты?

— Виктор Гюго: «Человек, который смеется». У него есть там, как детей выращивали в кувшинах. Получались уроды, которых выставляли на ярмарках и делали на них деньги...

— Это что же, ты меня уродом обозвал?

— Но ты же ушел из математической школы ради жалких денег на свадьбах. Лет пять-десять будешь прислуживать отцу, потом — другому отарчи. Вот и вся твоя судьба, вундеркинд...

— Слушай, а твое-то какое собачье дело? — разозлился Асрор. — Что тебе надо?

— Ничего, — усмехнулся Заир. — Сообщить хотел: мы тут с Атаулой посоветовались, решили на те деньги фарфоровый сервиз купить. Что скажешь?

— Ну и отлично!

— А у нас все отлично...

На углу они расстались.

«Тоже мне, писатель, — ворчал про себя Асрор, — в кувшине расту. А сам-то: все дни у него как один: школа, обед, книги, уроки, ужин, книги, сон, завтрак, школа. Трепло...»

Подходя к дому Дильфузы, он увидел... «госпожу Азизханову». Она тоже его увидела, поэтому Асрор продолжал идти ей навстречу, поздоровался. Учительница, смерив его взглядом, ответила как бы через силу, и они разминулись.

— Азизханова сейчас не от тебя вышла? — спросил Асрор, когда Дильфуза открыла дверь.

— Да, — опустила глаза Дильфуза, — она у нас теперь часто бывает.

— Часто? — удивился он. — А почему ты не говорила? Дильфуза пожала плечами.

— Что ей надо?

— Папа... кажется... женится на ней...

— Что?! — Асрор был потрясен. — Он сам сказал?

— Да, — кивнула Дильфуза, — она, оказывается, жалеет нас. Надо, говорит, братика и сестренку из детдома забрать. И меня надо спасти — от тебя, ведь ты водишься с хулиганами. Отец рассердился. Лучше не попадайся ему на глаза.

— Не буду...

Дильфуза снова пожала плечами, словно он ее о чем-то спросил.

— А может, все и к лучшему? — осторожно произнес он. — Соберетесь все вместе в одном доме.

— Может быть... но она не должна садиться на мамино место. Она не смеет этого делать!

Он не знал, что сказать.

— Асрор! Что мне делать? Может, убежать?

— С ума сошла! Куда ты убежишь? Пусть она сначала придет в ваш дом. Потом посмотрим.

— Потом?.. Что ж, пусть приходит, а потом...

Слезы навернулись ей на глаза, она отвернулась.

— Завтра пойдем вместе? — спросил он, пытаясь хоть как-то подбодрить ее.

Дильфуза кивнула.

На обратном пути, медленно одолевая улицу, Асрор вдруг пронзительно ясно осознал: эта боль и обида сопровождали Дильфузу в тот вечер на берегу Анхора, когда они пинали лежавшего Миркаси́ма-ака, когда сбросили его в реку. Ведь это второй раз в жизни она видела столь злобную драку.

А первый случай произошел, когда она была еще маленькой. Она с мамой и папой втроем возвращались из гостей. Вдруг два парня привязались к отцу. Отец что-то сказал им, и те набросились на него. Мать завопила во весь голос, призывая на помощь, а сама Дильфуза расплакалась, упрасывая сквозь слезы: «Папа, папочка!» И долго она не могла понять, за что те парни покалечили ее отца, ведь он не сделал ничего плохого, и почему люди проходили мимо и не помогли ему? И до сих пор не нашла настоящего ответа кроме того, что это были плохие люди.

Наверное, и на берегу Анхора, когда их компания избивала человека, у нее в ушах звучал десятилетней давности вопль матери. Наверное, когда Асрор, схватив за руку, тянул Дильфузу подальше от того места, в ней все громче бился беззвучный крик. Да ведь это и есть кувшин, в котором живет девочка! В котором каждый звук так оглушающе звонок, но едва вырывается наружу!..

Ход конем

Как только майор Салиев пришел на работу, дежурный сообщил, что его вызывает заместитель начальника РОВД.

Тот встретил майора спокойно, словно не было вчерашнего разговора по телефону.

— Как здоровье? — внимательно посмотрел он на Салиева.

— Нормально.

— Мы тут посоветовались и решили удовлетворить вашу просьбу. Тридцать лет службы в милиции — это подвиг. Ваши заслуги будут оценены по достоинству... Так у кого было ваше заявление?..

Майор понял, что ему предъявлен итог ночной телефонной баталии. Неужели Кельдияров добился своего? Неужели же теперь из-за этого сопляка, сидящего напротив, он должен покинуть поле боя?..

— Заявление у вас? — вырвал его из задумчивости начальственный голос «сопляка».

— Какое заявление? Нет никакого заявления, — ответил

невинным тоном Салиев. — Мне поручено раскрыть убийство, я и исполняю.

— Мы в курсе. Дело сложное — мы создали спецгруппу во главе с начальником отдела. Это согласовано.

— С кем?

— Я не обязан отчитываться перед вами, инспектор.

— Разумеется. Кому сдать дела?

— Начальнику отдела.

— Если не возражаете, я позвоню...

— У вас есть свой аппарат в кабинете, — поднял брови замначальника.

— Я хотел бы, чтобы вы услышали разговор.

Подполковник подвинул телефон к Салиеву. Было видно, что он занервничал, но старается не подать виду.

— Алло, городская прокуратура? Говорит майор Салиев. Прошу соединить меня с товарищем Самандаровым.

Замначальника насторожился.

— Товарищ Самандаров? Это Салиев, здравствуйте... Дела идут неплохо. В том направлении, как я вам докладывал... Считаю, дела Миртиллаева и Кельдиярова взаимосвязаны и их необходимо взять под надзор прокуратуры. Да, очень важно... Причина? Меня хотят отстранить от дела. Нет, они не могут противостоят Кельдиярову... Прокурору Республики вы сами доложите? Благодарю. Но мне приказано сдать дело сейчас... Не сдавать? Хорошо, до свидания...

Майор аккуратно положил трубку на место.

— Вам позвонят из республиканской прокуратуры.

Замначальника поднялся из кресла и с ненавистью посмотрел на Салиева.

— Какое вы имеете право порочить авторитет отдела?

— Ошибаетесь, я делаю все от меня зависящее, чтобы поддержать авторитет отдела... И о заявлении не беспокоитесь. Как закончим дело — сразу же уйду.

— Подождите, товарищ майор, — изменил тактику замначальника, почувствовав, что его подставили. — Поймите, они всю ночь не давали мне покоя. Вовсе не моя инициатива проводить вас на пенсию.

— Я знаю...

— Это вы осмелели, заранее провентилировав вопрос. Хлебом вас не корми — скандал подай. И что? Всю жизнь в инспекторах, всю жизнь на побегушках. Что вы из себя честность корчите? — запальчиво воскликнул замначальника. — Когда-то и сами закрывали дела по указке сверху!..

Замначальника точно попал в больное место.

— Это не делает мне чести, — кивнул Салиев. — Но я не виню время, виню себя... Разрешите идти?

У себя Салиев застал соседа по кабинету капитана Эшбаева, сидящего в глубокой задумчивости.

— Максуд-ака, наконец-то! — просиял тот.

— Что случилось? — улыбнулся майор. — Тебе поручили самое сложное дело в мире?

— Только вам по плечу, — подмазал капитан.

— Рассказывай, только покороче, — разрешил Салиев.

— Два однотипных ограбления в один и тот же день, — начал Эшбаев. — Оба потерпевших неделю назад вернулись из заграницы и в одну ночь лишились того, что зарабатывали три года.

— Что украдено?

— Видеомэгнофон, видеокамера, — принялся перечислять Эшбаев, — магнитофон...

— Фотоаппарат «Кодак», — подбросил майор.

— Точно, «Кодак», — удивленно воззрился на майора Эшбаев. — Вы в курсе дела?

— Нет — предположение... Как украли?

— Позвонили от имени профессора Шаузакова и договорились о встрече.

— Что за профессор?

— Есть такой на восточном факультете, но он утверждает, что ничего не знает. Оба потерпевших учились у Шаузакова... Вечером четверо парней явились как покупатели и, угрожая ножами, совершили ограбление.

— Время происшествия выяснили?

— Судя по телепрограмме, в первый дом вошли в двадцать два, ушли минут через десять-пятнадцать. Во второй дом — примерно в одиннадцать. Шел фильм...

— Ну-ка, покажи на карте эти дома.

Эшбаев показал.

— Минут за двадцать на машине вполне можно доехать, — прикинул майор. — Везучий ты парень, Эшбаев! Я вчера как раз наткнулся на эти вещи. Вызови своих «заграничников», покажем... Среди грабителей не было такого кудрявого и мордастого?.. — Салиев изобразил в лицах.

— Был, судя по описанию... Вообще, все они по виду байчики.

— Зайди к фотографу — пусть срочно проявит вчерашние фотографии для опознания.

За какой-то час все прояснилось. Городской прокурор дал санкцию на арест Санджара Кельдиярова и троих его сообщников.

Да, Эшбаеву повезло. Но похоже, дело об убийстве Миртиллаева зашло в тупик. Рецидивисты иногда идут на такую уловку: чтобы скрыть крупное преступление, совершают мелкое и на нем попадают.

Но маловероятно, что эти байчики могли, во-первых, додуматься, а во-вторых, осуществить этот «ход конем». Впрочем, допрос покажет...

Капля

Однажды капля, затерянная в просторах океана, стала мечтать о небе. Она обратилась с мольбой к солнцу и была услышана. Жаркие лучи коснулись ее и вырвали из объятий океана. Капля полетела ввысь. Но пока она летела, на чистом лике неба, которое так очаровало каплю, образовалась темная туча. Солнечный луч исчез, стало так холодно, что капля, превратившись в льдинку, заскользила вниз. Снова согрелась. Но тут порыв ветра подхватил ее с тучи и понес куда-то... И она упала на засохшую землю, и впитали ее корни растения, и прошло еще много времени, прежде чем она вновь увидела светлый мир...

Асрор, шедший по берегу Анхора, ощущал себя такой каплей. Вырвавшись из тисков «родительского влияния», он встретил в «небесах» Камариддина и его компанию. А теперь? Есть ли у него путь назад, к себе самому?..

Как только опускается темнота, Миркасим-ака входит в комнату Асрора. Он не кидается на него, не душит, а только сидит, глядя на Асрора немигающим взглядом. Потом глаза его добреют, он зовет Асрора поиграть: «Иди ко мне, я посажу тебя на плечо, подниму высоко-высоко, тебе будет жутко и весело, как в детстве, мы будем играть, я понесу тебя далеко, далеко...» Но в проеме окна Миркасим-ака вдруг исчезает, а Асрор долго еще смотрит на ночную улицу, на светлячки фонарей, и думает, думает...

Утром он полпелся в школу, но выдержал всего два урока. Подхватил свой «дипломат» и ушел. В классе подумали, что он обиделся за деньги, собранные его отцу.

Камариддина возле кинотеатра не было. Два молокососа на скамейке лузгали семечки. Спокойно текли воды Анхора — желтовато-коричневая глиняная взвесь, и это спокойствие завораживало: тело Асрора теряло вес, а мир — свои очертания...

— Ты чего здесь торчишь?!

Асрор вздрогнул, обернулся. Перед ним, взбешенный, стоял Камариддин.

— Какого черта?! — злобно прошипел он и подтолкнул Асрора. — Ну-ка, вали отсюда! Ведь я запретил приходить сюда! Опять с уроков сбежал, башка дурья, совсем распустился...

Талгат, грузивший у пивной пустые бутылки, наблюдал за ними.

Когда дошли до моста, Камариддин вынул из кармана несколько купюр и протянул их Асрору.

— Занеси матери Салима.

— Как же я их отдам?

— Нашел проблему... Скажи, что у него твоя книга, а потом найди в книге деньги. Он копил их, работал грузчиком

в аэропорту. Ну, двигай... Да, кстати, сегодня я отбываю на гастроли. Дня на два-три. Навещай Салима...

Мать Салима в огороде окучивала тяпкой саженцы помидоров.

— Твой дружок-бродяга еще не явился, — сообщила она Асрору в ответ на его приветствие.

Асрор сказал, что пришел за своей книгой.

— Заходи да бери. Сам знаешь, где. Он к ним и не прирагивается.

Книжки валялись на пыльной хантахте. Асрор взял первую попавшуюся под руки и сдул с нее пыль. Выйдя во двор, он протянул деньги матери Салима.

— Тетя, это выпало из книги.

Женщина разогнула спину и с удивлением приняла деньги. Она впервые держала такие крупные купюры, разглядывала их с обеих сторон.

— Это настоящие?... Столько денег! Он их не украл?..

— Он подрабатывал в аэропорту грузчиком, — объяснил Асрор.

— Разве грузчик может столько заработать? — не слышавком поверила она.

— Конечно, может. — И Асрор тотчас разложил перед ней по пунктам, сколько зарабатывает носильщик, а сколько грузчик с тележкой, имея о том самое смутное понятие.

Похоже, он убедил бедную женщину. Она замолчала, задумалась, а потом вдруг заплакала.

— Ах, несчастная я, несчастная, — запричитала она негромко. — Лучше бы мне умереть, чем слышать, что сын мой надрывается на работе в таком возрасте, таская чемоданы! А я-то, дура, считала его шалопаем... Отец — инвалид... Все мои надежды на Салима. Ох, боюсь я за него!.. Как вовремя появились эти деньги! Хоть смогу обновить зимнюю одежку младшеньким. Совсем пообносились...

Асрор вдруг подумал, что она живет совсем в другом мире, что существует настоящая нищета; когда не до претензий на образование, на лакомства, развлечения, модную одежду, — когда просто не хватает на хлеб и чай. Наверное, можно понять и отца в его погоне за деньгами. Не так-то это легко — обеспечить семью...

Попрощавшись, Асрор пошел вдоль Анхора, торопливо прошел по мосту. Ноги сами привели его к дому Камаридина.

Салим вздрогнул, когда вошел Асрор.

— Сейчас я был у тебя дома, — начал Асрор. — Отдал деньги твоей матери, Камар дал... — И рассказал ему о разговоре с его матерью.

— Хорошо, пусть купит одежду малышам, — жалобно улыбнулся Салим. — Как же она будет без меня?.. Совсем замучается...

— Почему без тебя? Через недельку поднимешься.

— Если дела дальше так пойдут, — уставившись в потолок, ответил Салим, — то я, наверное, умру... А если и выкарабкаюсь — все равно загремлю в тюрьму...

— Да что ты несешь?

— Да-да, так и знай! — завелся Салим. — Потому что я с Камаром. Он будет воровать — и я буду! Он будет убивать — и я буду! Ты не знаешь: я ходил с Камаром на дело! И еще пойду! Он мне дороже отца! Я никому не нужен, кроме него! Ни отцу, ни школе, ни ПТУ. Впрочем, ПТУ и мне не нужно. Камар приютил меня... И мы всю жизнь будем вместе с ним травить и давить байчиков! Да! Я заберу у них то, что причитается моей матери, братишкам, сестренкам!

— Но разве они виноваты перед твоей матерью? — удивился Асрор.

— А ты не видишь? — Салим приподнялся было на локте, но сморщился от боли в ребре. — Ты еще сам убедишься, когда твоя умная голова не пробьется в институт...

— Но я не собираюсь в нархоз, на юрфак или восточный, — возразил Асрор.

— Математика тебя не прокормит. Будешь с отцом ходить по свадьбам. Лучше уж воровать, чем прислуживать им по свадьбам...

— Странный ты стал, — вздохнул Асрор.

— Странный? Нет, я старый стал, — снова уставился в потолок Салим. — Я лег на этот диван пацаном, а очнулся стариком... А ты думал, почему я оказался в таком вот положении? Почему Камар стал вором? Почему ты прислуживаешь байчикам?

— И что же ты надумал?

— Люди во всем виноваты — люди сделали нас такими. И мы с Камаром отомстим им. Всех хозяйчиков отправим в Анхор, как того типа...

— Тот человек был простым рабочим...

— А ты откуда знаешь? — посмотрел на него Салим.

— Мама его хорошо знала.

— Не мог сказать, что у него нет сигарет, или дать, если есть. Чего он нас набросился ни с того ни с сего? Сволочь!

Асрору было страшно смотреть на друга. Его ли это слова: давить, бить, мстить? Неужели можно убить человека только за то, что у него больше денег, чем у тебя? Не все же взяточники и торгаши, да и без торгашей, говорят, мир не стоял бы. Скорее всего Салим бредит от боли или курева. Спорить с ним бесполезно.

Да и был ли в мире мудрец, который разрешил вековечный спор между добром и злом?

Были только капли, что устремлялись в небо и низвергались в грязь...

Запутанный клубок

Кельдияров в сопровождении своего зама вошел в кабинет начальника райотдела внутренних дел. Подполковник ждал этого визита, но не так скоро. Растерянный, он выскочил из-за стола, двумя руками пожал протянутую ладонь Кельдиярова, пригласил гостей садиться.

— Хочу поговорить с вашим Салиевым, — перешел без обиняков к делу Кельдияров. Было ясно, что он в курсе последних событий — у трапа самолета сразу и доложили.

Когда вошел Салиев, Кельдияров молча и откровенно-изучающе оглядел майора.

— Вот, товарищ Кельдияров хотел с вами познакомиться, — с неестественным радушием в голосе произнес подполковник.

— Мы заочно знакомы, — выцедил Кельдияров, не сводя глаз с майора. — Значит, моя просьба по телефону впечатления на вас не произвела?

— На вашего сына возбуждено дело, — ответил Салиев. — Такие дела решаются не просьбами, а законом...

— Хорошо, майор, вы доказали мне, что вы — человек достойный, — как бы согласился Кельдияров после паузы. — Тогда ваши условия?...

— Дела, связанные с преступлением закона, решаются судом, — повторил Салиев. — Только судом...

— Не берите на себя слишком много, майор, не надо... Мой сын обвиняется в воровстве?

— В грабеже, — уточнил майор. — Пока в грабеже...

— Что значит пока? В чем еще вы его обвиняете?

— Идет следствие. Не имею права разглашать...

Вновь нависла пауза. Кельдияров, кажется, был сражен этим «пока». От номенклатурной спеси не осталось и следа.

— Послушайте, майор, — начал он уже в ином тоне. — Вот сидит ваш начальник... Я не маленький человек и готов во всем пойти вам навстречу. Вы собираетесь на пенсию? Могу предоставить вам новую квартиру, новую «Волгу», устрою вашего сына в любой институт — только скажите. Но не дайте пропасть мальчику... Ну, оступился... Даже если он и виноват... Подумайте.

— Приберегите вашу щедрость для других инстанций, — отрезал Салиев. — Есть еще суд, колония...

— Ах, так? — глаза Кельдиярова сузились, он откинулся на спинку стула. — Что ж, можете идти.

— Благодарю, но меня вызывали не вы... Разрешите идти, товарищ подполковник?..

Салиев не сразу вернулся в свой кабинет. Вышел во двор, минут пять посидел на скамейке в тени молодого платана, успокаивая сердце. Потом выпил воды, умылся под краном. Надо было продолжать начатый допрос Санджара Кельдиярова.

Факт разбоя с применением холодного оружия был установлен. Потерпевшие опознали налетчиков и по фотографиям, и на очной ставке. Удивляла примитивность их действий — ни малейшей хитрости: пришли, ограбили, ушли. На что они рассчитывали? Были уверены в своей безнаказанности? Возможно. Но похоже было и на то, что они намеренно подставлялись. Зачем? Чтобы скрыть убийство? Но для этого достаточно и одного ограбления. Зачем они сунулись во вторую квартиру? Чтобы быстрее их нашли?

На допросе Санджар особого страха не выказывал. Уверен был, что вскорости его отпустят.

По его версии, они не собирались грабить, но их разозлили «эти хапуги», не желавшие сбавить цену. И вообще, они не грабили, а, так сказать, позаимствовали аппаратуру. Попользовались бы с неделю и вернули...

Мог ли этот юный негодяй убить оскорбившего его человека? Мог — учитывая идеологию «белой» и «черной» кости и особенно его физическую комплекцию... Плюс еще сегодня хозяин пивной, опознавая по фотографиям Миртиллаева и Санджара, неожиданно рассказал, что они устроили драку в пивной. Санджар на глазах у всех избил Миртиллаева и ушел... Может быть, они не хотели убивать его, но, решив, что случайно убили, сбросили в воду?

Подойдя к кабинету, майор услышал громкий голос Эшбаева, продолжавшего допрос:

— Или признаешься, или сгниешь в тюрьме!

«Эх, похоже, все дело испортил, стервец!» — в сердцах ругнулся Салиев, зная манеру помощника сразу выкладывать обвинение и добиваться признания устрашением.

— Эшбаев, — приказал майор, войдя в кабинет, — доставьте к восемнадцати ноль-ноль этих людей, устроим очную ставку. — И протянул ему взятый со стола листок с координатами Имамалиева и хозяина пивной.

— Итак, — продолжил допрос с прерванного места Салиев, — после того, как ты ушел с завода, мастера Миртиллаева Миркасима ты не встречал.

— Нет, не встречал, — с ухмылкой ответил Санджар.

— И в пивной «Чехра» никогда не был?

— Никогда не был... Не старайтесь, гражданин начальник. Вы мне этого дела не пришьете.

— Я и не шью. Ознакомься с протоколом и, если твои слова записаны верно, подпиши.

— Ничего я не подпишу! И разговаривать с вами, пока не приведете моего отца, не буду! — уперся подследственный.

— Он тебе не поможет.

— Ненавижу вас! Папа раздавит вас, как таракана!

— По закону ты обязан отвечать на мои вопросы, а помощь следствию может смягчить твою участь. Подумай об этом в камере, пока я буду беседовать с твоими друзьями...

Сообщники подтвердили, что Санджар набросился на ка-

кого-то человека в пивной, а они разняли их и увели Санджара.

На процедуре опознания хозяин пивной сразу показал на Санджара и троих его приятелей. Имамалиев долго тянул, словно боялся поднять палец, но в конце концов не очень уверенно указал на Санджара и еще одного парня.

Для очной ставки Салиев оставил хозяина пивной и Санджара.

— Итак, Кельдияров, вы утверждаете, что вечером третьего мая вы в пивной не были?

— Не был.

— А вот свидетель Мамаюсупов видел вас там, и вы даже драку устроили.

— Ложь!

— Свидетель Мамаюсупов?

— Этот парень часто заходил, — с подобострастием заговорил хозяин пивной, — но всегда приходил и уходил спокойно. И какой бес его в тот день попутал? Он много не бил, уважаемый. Раз-другой... Их разняли тут же. Они ушли, даже пива не допили... А ты, братишка, — обратился он к Санджару, — признайся. Скажи, мол, был выпимши. Подумаешь, невидаль какая...

— В какое время они ушли? — спросил Салиев.

— Не помню... торговля...

— А вы припомните!

— Ну, примерно в половине девятого.

— Вы знаете отца этого парня?

— Гм-м... Слышал немного.

— Хорошо, подпишите протокол.

— Всегда к вашим услугам, уважаемый, — приложил руки к груди Мамаюсупов. — А ты, братишка, делай все, что они скажут, не огорчай отца...

— Пошел вон, болван! — рявкнул на него Санджар.

— Кельдияров! — хлопнул ладонью по столу майор.

Но вздрогнул не мальчишка, а хозяин пивной. То ли от звука удара, то ли от громкой фамилии...

— Отпустите его, уважаемый, — залебезил он. — Молод он еще, образумится... Ну, я пошел...

Как только дверь за Мамаюсуповым закрылась, Салиев вновь приступил к Санджару:

— Ну, что теперь скажешь? Кстати, твои товарищи подтвердили показания Мамаюсупова.

— Ложь! Вы выбили из них показания!

— Из пивной вы ушли в половине девятого. Налет совершили в четверть одиннадцатого. Где вы были от половины девятого до четверти одиннадцатого? Где ты лично был? Отвечай!

— Ложь! Не был в пивной! Нигде не был! Требую свидания с отцом!..

Санджар впал в истерику. Продолжать допрос было бессмысленно. Майор вызвал постовых.

Он еще поработал с сообщниками. По их словам выходило, что до десяти вечера они ходили по улицам. Правда, выходя из пивнушки, видели каких-то ребят на берегу Анхора, но не обратили на них особого внимания, потому что успокаивали Санджара...

Похоже, клубок следствия не распутывался, а еще больше запутывался...

На вечеринке

Салим, попытавшись переменить позу, вдруг закричал от резкой боли.

— Салим, может вызвать доктора? — встрепнулся Асрор. — Ведь все равно никто ничего не узнает. Того человека уже похоронили.

— Нет! Не надо... Все прошло. Это рана затягивается... Ох, не могу... Ты иди-иди. А то придет мать Камара, разворчится, что караван-сарай здесь устроили. Лучше завтра клубники принеси...

Выйдя в большую комнату, Асрор увидел мать Камаридина, курившую сигарету. Когда она пришла? Неужели слышала их разговор?

— Присаживайся. — Женщина указала на мягкое кресло, стоявшее напротив нее. — Ну, видел своего друга?

Асрор кивнул, потупив взгляд и не решаясь посмотреть в ее глаза, окаймленные длинными ресницами, на полуоткрытую грудь все еще красивой и привлекательной женщины.

— Как он себя чувствует?

— Нормально.

— Нормально? — повысила она голос, смяв сигарету. — Погубите ведь парня — загноится рана! Доктора надо вызывать!

— И я так говорил, — кивнул Асрор. — Только он не хочет.

— Не хочет! А если что случится, кто отвечать будет, ты?

— Почему я?

— Все вы одинаковы... — принялась она нервно крутить на пальце кольцо с часиками вместо камня.

— Ты не похож на них, — заговорила она после продолжительной паузы. — Камар тебя любит, кажется. Он никого не любит. Даже меня. Ни разу не сказал «мама». А ведь я его не под забором бросила. В детдом отдала, пока сама на ноги не встала... Ты знаешь, за что он сидел?

Асрор отрицательно покрутил головой.

— Тебе повезло. А я знаю. Я боюсь его! Это произошло на моих глазах! Я молила Бога, чтобы он сгинул в тюрьме! Я очень боюсь его!

— Зачем вы мне это говорите?

— Камар тебя любит. Ты можешь направить его на путь истинный... А я боюсь. Скажи ему, пусть оставит меня в покое. По ночам не сплю, от страха сердце колотится! Вот и сейчас! Послушай! — Она схватила руку Асрора и прижала к своей груди. Асрор, покраснев, отнял руку, но женщина сделала вид, что ничего не заметила. — Вызовите врача к этому мальчику! Или увезите его в другое место. Я ведь взрослый человек. А никого не могу пригласить к себе в гости. Пойми, это не моя квартира. Мне ее предоставил один человек. И он должен приходить сюда. А если он узнает, всем будет плохо... Скажешь Камару?

— Скажу.

— Только осторожно! Не говори, что я сказала... Узнает — убьет меня... Пусть подыщет себе дом и живет сам... А ты с ними не путайся! Они все воры. И тебя в тюрьму потянут. Негодяи...

Асрор поспешил уйти. «Что за женщина, — удивлялся он, — собственного сына из дома хочет выгнать! Надо сказать Камару — она вполне может упечь его в тюрьму».

Он невольно вспомнил мать Салима. Какие они разные... И обе несчастные. Но как-то по-разному!..

— Где ты шляешься?! — набросился на него отец, когда Асрор подошел к дому. Белые «Жигули» стояли около гаража.

— Консультация была.

— Будь она неладна, — проворчал отец, — неси инструменты. Надо крышу саманом обмазать. Очень большие люди.

Мать попыталась его накормить, но Асрор, схватив инструменты, побежал обратно.

— Да-да, беги, а то отец от злости лопнет... — в сердцах произнесла она.

«Обмазать крышу» означало маленький банкет, где им не будут платить. Отец трепещет перед «большими людьми» и скорее умрет, чем заставит их уговаривать себя. Бывало, ради «обмазки крыши» он отказывался от выгодных свадеб.

«Большой человек» жил в четырехэтажном доме в центре города. На улице их никто не встретил. Прихватив инструменты, они поднялись на второй этаж.

Дверь открыл мужчина лет пятидесяти в белоснежном костюме:

— Проходите, маэстро... — И проводил в комнату, где за столом сидели трое мужчин. Они пригласили к столу, налили отцу и сыну по пиале чая. Из дальнейшей беседы Асрор понял, что это были водители машин, стоявших у подъезда.

— Уважаемый Кельдияр-ака еще не пришел, видимо, до сих пор не уладил дело с сыном, — сказал один.

— Придет, — ответил другой, — хозяин говорил, что должен поздравить его. Дело сына, кажется, в порядке. Какой же он Кельдияров, если с милицией не справится?..

— Да, крепкий у него фундамент.

— Крепче не бывает. Монолит...

Музыкантов пригласили в гостиную.

В просторной зале за длинным столом, сервированным с картинной роскошью, сидели пятеро мужчин в дорогих костюмах и шесть женщин в еще более дорогих платьях, увешанные драгоценностями.

Вокруг стола стояли пустые стулья, но музыкантам сесть не предложили. Отец затянул песню. Его никто, как обычно, не слушал. Застолье шло своим чередом. Отпев программу, отец, не дожидаясь благодарности, поклонился и с поклоном, как бы извиняясь за беспокойство, вышел в коридор. Поблагодарили их водители, и все вместе расселись кушать шурпу.

Вошел хозяин дома.

— Маэстро, где ваша записная книжка, есть поручение, — сказал он. — Нурулла Эгамович приглашает в субботу.

— О, — торопливо отложил ложку отец, — ваш уважаемый брат из хокимията! Всегда рад услужить ему.

— Надеюсь, в этот день у вас нет свадебного заказа, что говорит ваш талмуд? — учтиво поинтересовался хозяин.

— Не имеет значения, — заверил его отец. — Одно ваше слово...

Асрор удивился. Ведь отец знает: в субботу свадьба Тураба! Он же взял у ребят деньги! Или просто хитрит?

Когда хозяин вышел из комнаты, Асрор шепнул отцу:

— Вы же взяли аванс на субботу!

— Не твое дело! — отрезал отец. — Таким людям перечить нельзя! На свадьбу твоего друга я найду человека. В крайнем случае, вернешь деньги, мы же никуда не убегаем...

Асрора словно обухом по голове ударили. Когда вернулся домой, он сразу ушел в свою комнату и лег. Всю ночь мучился в поисках оправдания перед классом. Но оправдания не было. Отец, можно сказать, убил его перед ребятами! Только под утро не то во сне, не то наяву пришел Миркасимака и гладил по голове. Он Асрора понимал...

Ловушки для майора

Увидев майора, хозяин пивной закутился вокруг него меленьким бесом. Выбежал из-за прилавка, поздоровался, обхватив руку Салиева двумя ладонями, и доложил:

— Все, теперь пацанов не пускаю, раскрыли вы мне глаза. Двое появлялись, но я их выставил.

— Мамаюсупов, память у вас, вижу, отменная, попытайтесь-ка припомнить — в тот вечер Кельдияров подошел к столику Миртиллаева или наоборот?

— Так-так, — задумался хозяин пивной, — ребята сидели вон в том ряду. И скандал произошел там. Получается, что покойный Миртиллаев подошел к ним... Это правда, что эти ребята его убили?

— Кто вам сказал?

— Да все только об этом и говорят. Еще говорят, что убийц поймали.

— Что ж, язык без костей... А с кем сидел Миртиллаев после скандала? Сможете найти этого человека?

— Для вас все, что угодно... Он всегда здесь, когда только есть пиво.

— Найдите мне, пожалуйста, место поспокойнее и пригласите этого человека, — попросил Максуд Салиев. — Да потише, не кричите на всю пивную.

Хозяин вывел майора на задний двор. Салиев присел на перевернутый пустой ящик, молниеносно освобожденный для него какими-то быстро исчезающими типами.

Вскоре Мамаюсупов привел мужчину лет пятидесяти.

— Вот, уважаемый, Сабитбай сидел вместе с покойным, — представил хозяин пивной.

— Так эти подонки его убили, да? — с ходу заговорил Сабитбай, усевшись на ящик напротив майора. — Перестрелять их всех надо!

— Сначала надо поймать, — ответил Салиев.

— А разве не поймали?

— Нет. И поэтому я хочу с вами поговорить.

— Я не видел, как его убили, а то сказал бы сам, — заверил Сабит.

— Вы знаете парней, с которыми он поскандалил?

— Да так, байские сынки, частенько заходят сюда.

— А с Миртиллаевым вы хорошо знакомы?

— Раньше работали вместе.

— Много он пил?

— Нет, не более трех бутылок.

— А от обиды, что его побили пацаны, он не хватил лишнего?

— Нет-нет. В него много не лезет. У каждого свой характер...

— Почему он подошел к парням? — переменял тему Салиев. — Они что-нибудь сказали ему?

— Точно не помню, но приносили какие-то тосты типа «за здоровье наших рабов» и что-то про «черную кость» и гоготали, поглядывая на него.

— И что потом?

— Миркасим подошел к ним, что-то сказал кудрявому. Тот вскочил и ударил его. Их тут же начали разнимать.

— Уходя, парни ничего не говорили?

— Матерились... Прошлись по всем родственникам.

— Не угрожали? Не говорили: «выходи, мы подождем» или «мы с тобой еще разберемся»?

Сабит задумался, закурил.

— Нет, такого вроде не говорили... Кудрявый орал, мол, род твой весь уничтожу... Это было.

— Что сказал Миртиллаев, когда они ушли?

— «Эти подонки людьми уже не станут», сказал. Верно сказал. Я согласен.

— Больше ничего?

— Нет, больше о них не вспоминали. И что толку — папаша все равно их прикроют.

— Драку на берегу Анхора не видели?

— Нет-нет!.. Если поймаете их, обязательно расстреляйте. Перед всем народом выведите и расстреляйте!..

Сабит сразу опознал на фотографии Кельдиярова и его сообщников. Салиев поблагодарил его и отпустил. Потом нашел хозяина пивной.

— Пожалуйста, вон того парня пригласите, — указал он на Талгата.

— Какие новости? — поинтересовался майор, когда Талгат вышел на задний двор.

— В одном парне сомневаюсь. Камариддином зовут. Сидел. Со мной на контакт не пошел... Еще видел два раза на берегу Анхора одного смурного подростка, Камариддин увел его от реки. Надо изучить эту компанию.

— Почему?

— Странно ведет себя. Тихо приходит, тихо уходит. Собирает пацанов, а с таким «рецидивистом», как я, дела иметь не захотел. Слишком осторожен...

— А как ты это объясняешь? — поинтересовался Салиев.

Талгат задумался.

— Похоже, Камариддин делает дела покрупнее. Или... он не главный, а исполнитель при ком-то...

— А может, он завязал?

— Не верю.

— А зачем пацанов собирает?

— Трудно сказать... Растит кадры.

— Что ж, — признал майор, — в этом что-то есть... Но осторожность Камариддина может объясняться его опытом. Он сидел. Надо поинтересоваться окружением Камариддина. Хоть одно имя удалось узнать?

— Кореша мои называли одного — Салима. Боксер.

— Вражды между шайками незаметно?

— Нет. В дела друг друга не лезут.

— Полагаю, причина не только в этом, — заметил Салиев, — мелочь чувствует присутствие акулы. И не возникает... Побудь здесь еще дня три-четыре. Ну, пока. И пришли ко мне хозяина...

— Где вы раскопали этого нахала? — спросил Салиев, когда, запыхавшись, появился Мамаюсупов.

— Э-э, — махнул рукой тот. — Схватил меня за глотку, сына ударил. Прими на работу, а то убью... Вы уж разберитесь.

— Пока мне нельзя вмешиваться, а то он напоследок может вам отомстить. Дней через десять устроится на работу, тогда и вздохнете спокойно. А не устроится, тогда уж мы вмешаемся.

Несмотря на поздний час, Максуд Салиев из пивной вернулся на работу. Талгат неплохо поработал. Стоило заняться этим Камариддином.

Выяснилось, что Камариддин состоял на учете в их районном отделении. Салиев внимательно прочитал его личное дело, позвонил в инспекцию по делам несовершеннолетних. Но лейтенанта Муллакузиева уже не застал. Оставалось идти домой.

Дома жена обрушила на него новость:

— Приходили из хокимията, предупредили, что мы должны сдать квартиру. В другом конце города нам выделили двухкомнатную.

— А ты не сказала, что на следующий год из заграницы возвращается сын с семьей?

— Конечно! Но им-то что...

Всю ночь Салиев проворочался, словно под ним была не мягкая перина, а настил из колючек. Столько лет мучились без квартиры, снимали, наконец, получили эту, просторную. Один сын после института работает в степи, другой — за границей. Вот-вот оба должны вернуться. А куда?

Утром вместо инспекции он отправился в хокимият. Хоким района, хорошо знавший Салиева, внимательно выслушал его, покачал головой и сказал:

— Что ж делать, до двухтысячного года мы должны всех обеспечить жильем.

Майор опешил от такого обоснования. Он почувствовал, что руки его дрожат от возмущения.

— Куда вы поселите моих детей, когда они вернутся на будущий год? — не сдерживаясь, спросил Салиев.

— Когда вернутся, тогда и рассмотрим вопрос.

— Чье это распоряжение?

— Я не обязан отчитываться перед вами, майор. Вы не имеете права разговаривать со мной в таком тоне.

— Что ж, — усмехнулся Салиев. — Только не подавиться бы вам сырыми пельменями. Квартиру я не освобожу! Дела Кельдиярова не закрою! А вам, думаю, следует лучше разобраться в погоде...

Хоким не успел ничего ответить: майор, хлопнув дверью, покинул кабинет.

«Ах, паразит, я тебе еще покажу!.. Избранник народа... Слуга, возомнивший себя хозяином...» — так всю дорогу ворчал про себя майор, направляясь в инспекцию по делам несовершеннолетних.

— Вы знаете рецидивиста Камариддина Зайнутдинова? Косоглазый такой, крепкий. Собирает вокруг себя пацанов, — взял быка за рога майор.

— Знаю. Их «штаб» у кинотеатра, — кивнул лейтенант Муллакузиев.

— Кто-нибудь из их компании состоит на учете?

— Многие. Они в списке, который я вам представил.

— Я там не нашел Салима. Боксера.

— Салим? — задумался лейтенант. — Да, есть такой, но он живет на том берегу Анхора и у нас не числится.

Салиев позвонил в инспекцию соседнего района. Там Салима знали: после восьмого поступил в ПТУ, из ПТУ ушел, не работает. Шатается без дела. Семья многодетная.

— Адрес есть, идемте познакомимся, — поднялся майор — Дело мое в тупике. Поохотимся сегодня с вами на авось.

Увидев их, мать Салима засуетилась.

— Ой, проходите, что случилось?

— Ничего не случилось. Проходили мимо, решили проведать, — успокоил ее Салиев. — Как поживаете?

— Э-э, — покачала головой женщина, — милиция просто так не приходит. Что-нибудь с сыном?

— С Салимбеком? — спросил майор. — Почему вы о нем беспокоитесь? Где он сам?

— На соревнования уехал.

— Когда?

— Уже с неделю.

— А куда?

— Я самого его не видела. Товарищ приходил.

— Какой товарищ?

— Асрор, учились они вместе. Очень умный мальчик.

— И часто Салимбек ездит на соревнования?

— Примерно раз в месяц.

— Когда он вернется, пусть обязательно устроится на работу, — твердо сказал майор.

— Но его же никто не берет! — воскликнула женщина. — Я и сама с ним ходила. Нет работы для малолетних, и все... А денег на взятку у меня, сами видите, нет. Мне детей кормить-одевать надо!

— У Салимбека кроме Асрора есть друзья? — перевел разговор в другое русло Салиев.

— Наверное... Я знаю только Асрора.

— Когда он был в последний раз?

— Вчера... Или позавчера?.. За книгой приходил.

— А не приходил ли когда Камариддин? Немного косит глазами, высокий...

— Не знаю, не видела... Ой, а почему вы спрашиваете? Что-то случилось? Сердце не на месте...

— Нет, нет, ничего не случилось...

Следующим пунктом их экскурсии была школа.

— Пришли проведать наших хулиганов? — шутивно приветствовал их директор, хорошо знавший лейтенанта Муллакузиева. — Вроде бы в Багдаде все спокойно. Идет подготовка к экзаменам.

— Ученика Салима Бекжанова помните? — поинтересовался Салиев. — В прошлом году после восьмого класса ушел в ПТУ.

— Да, мы его туда направили, — кивнул директор. —

Бросил. Приходил инспектор из соседнего района, просил принять его обратно.

— Приняли?

— Школа не проходной двор...

— А если он от безделья спутался с преступниками? — спросил майор.

— Это уже ваша работа, — усмехнулся директор.

— Однако, философия у вас!

— Извините, у меня педсовет, — отмахнулся от дискуссии директор.

— Салим в школе занимался боксом? — спросил майор.

— Это по части преподавателя физкультуры. Вызвать?

— Пока нет, — отказался Салиев. — Сейчас хотели бы поговорить с учеником девятого класса Асрором. Фамилии не знаем.

— О, Мирисаев Асрор, один из лучших наших учеников. Из хорошей семьи. Зачем он вам понадобился?

— У нас есть к нему вопросы.

Директор распорядился, а тем временем начал разглагольствовать, жаловаться на трудности нынешнего преподавания.

— Даже и Асрор выкинул фокус. Недавно обнаружилось, что он «дружит» с девочкой из восьмого класса. Девочку призвали к порядку.

— Почему девочку?

— Это она закружила парню голову. Детдомовская. Матери нет, отец — инвалид. Но вообще, Асрор у нас прекрасный ученик, и если никто с пути не собьет, далеко может пойти.

В кабинет вместо Асрора вошла его классная руководительница.

— Асрора нет, — сообщила она виновато. — Ушел...

— Как ушел? — нахмурился директор.

— Кажется, плохо себя почувствовал. На этой неделе он уже три раза уходил. Странно себя ведет.

— И давно начались эти странности? — заинтересовался Салиев.

Она заглянула в журнал.

— Одиннадцатого мая... он поругался с учительницей географии, потом ушел с литературы. С тех пор и началось.

— А почему он поругался с учительницей географии?

— Ну, это сложная история... — замялась она, но, поощренная директорским кивком, рассказала о благородном решении коллеги Азизхановой войти в дом детей-сирот, стать им матерью. А Дильфузу нужно воспитывать и воспитывать. Мальчик, правда, оказался очень ранимым, стал пропускать занятия...

— Раньше с ним такого не случалось?

— Нет...

— С хулиганами не общается?

— Я сама не видела... Но девочки видели его... возле кино-театра.

— Почему вы мне не доложили? — повысил голос директор.

— Потому что сама не видела.

Чувствуя, что ставит учительницу в неловкое положение, майор прекратил беседу и отпустил ее.

На пути из школы он распорядился, чтобы лейтенант связался с детскими спортивными школами и выяснил, где занимается Салим и где сейчас проходят соревнования.

Возле кинотеатра они увидели нескольких подростков, дымивших сигаретами.

— Шамиль, — позвал Муллакузиев одного из них.

— Что, уже и кино нельзя посмотреть, — немедленно забубнил тот, делая обиженное лицо.

— Где остальные твои приятели?

— Какие?

— Салим, Асрор?

— Я им не сторож.

— А кого вы вчера с Салимом побили?

— Никого. Салима же нет.

— А где он?

— Не знаю.

— Ну, не вчера, так позавчера побили. Знаю я вас! Ладно, не торчите здесь.

— Да, — повернулся лейтенант к Салиеву, — кажется, у вас есть основания для подозрений. Они явно что-то скрывают.

Майор поблагодарил Муллакузиева за помощь, и они расстались. Придя на работу, Салиев застал в своем кабинете Эшбаева. Капитан что-то писал.

— Вас вызывают, — сообщил тот.

— Кто?

— В ГОВД.

— Э, а я хотел поговорить с Кельдияровым.

— Так Кельдияров и его сообщники уже там, еще утром увезли.

— Почему? — удивился майор.

— Приказ городской прокуратуры. Раз в деле замешаны наркотики, они сами будут вести дело. Похоже, нам перестали доверять...

— Что ж, все правильно, — подумав, заключил Салиев. — Так даже будет лучше.

— Может и правильно, но мне обидно, — поморщился Эшбаев. — Мы раскрутили преступление, задержали преступников, и нам же не доверяют... Разве бы я не узнал, откуда у них анаша? Или вы бы не доказали, что они убийцы?..

Делать нечего, Максуд Салиев поехал в горотдел, понимая, что на него накатали внушительную «телегу». Да и пора уже было ей появиться.

Суть жалобы сводилась к трем обвинениям: 1) майор Салиев, пользуясь служебным положением, приобрел два авто-

мобилия и перепродал их на рынке; 2) в таком-то году Максуд Салиев, будучи в нетрезвом состоянии за рулем, сбил пешехода; 3) наконец, не далее как вчера майор Салиев употребил рукоприкладство по отношению к подследственному, почти мальчику.

Пришлось писать объяснительную, благо подполковник был старый сослуживец, и за строгими по форме вопросами угадывалась его симпатия к известному «скандалисту» Салиеву. Действительно, писал майор, он брал по ведомственному списку две машины, но на одной проездил девять лет и потом задешево уступил племяннику, а вторая и по сей день дома стоит, т. е. продана не была. Действительно, в таком-то году он сбил пешехода, но из следственных документов явствует, что пьян был не водитель, а пешеход, и что уже в том году Максуд Салиев по предписаниям врачей вел абсолютно трезвый образ жизни. Что же касается последнего пункта, то удар ладонью (плашмя) был нанесен по поверхности служебного стола, а не по телу Кельдиярова-младшего, чему есть свидетель (Мамаюсупов, заведующий пивной «Чехра»), присутствовавший при событии...

— Что сказать, — улыбнулся подполковник, прочитав объяснительную, — жалоба есть жалоба. Мы вынуждены будем проверять. Но ты не кипятишься и будь осторожен. И главное, делай свое дело...

И здесь подполковник высказал намеком такое, отчего сразу потеплело на душе Салиева и расслабились плечи: сила, куда более могущественная, чем Кельдияров и его клан, заинтересована в торжестве закона и порядка в этом деле...

Но тогда возникали новые вопросы...

«Легко сказать, — ворчал майор Салиев, выйдя из здания ГОВД, — делай свое дело... А вдруг дело обернется так, что убийцей окажется вовсе не Кельдияров-младший. Я, может, и сам хотел бы выдать Кельдияровым на всю катушку. Но... черт, и вылезли же некстати эти школьники с их проблемами. Тут могут под старость из квартиры выселить (и никакая высшая сила не поможет), а ты разбирайся с ними...» Так, рассуждая сам с собой, Салиев добрался до дома Камаридина. Этот рецидивист все больше интересовал его.

Но прежде майор позвонил в квартиру напротив. В чуть приоткрытую дверь выглянул высокий сутулящийся старик. Когда майор вошел в комнату, вышла и хозяйка — весьма бодрая, судя по виду, старушка.

— Я хотел бы поговорить с вами о вашем соседе Камариддине. — начал Салиев.

— Опять человека убил? — всплеснула руками старушка. — Что за напасть такая!

— С чего это вы взяли? — удивился майор.

— Так он же за убийство сидел.

— Он отбыл наказание. Теперь мы наблюдаем, как он ведет себя. Что скажете?

— Нормально, — сказал дед. — Тихо-спокойно. Всегда здороваюсь.

— Ничего подобного, — встряла в разговор старушка, — ни с кем он не здороваётся. Будто глухонемой. Ходит на-супившись. А в глаза ему и посмотреть страшно.

— Камариддин не пьёт, не дебоширит?

— Нет, ходит действительно тихо, но вот когда вернулся из тюрьмы...

— Много людей к нему домой приходит? — не давал ей развернуться майор.

— Не очень.

— А кто приходил в последний раз?

— Не помню, — пожала плечами старушка. — Вот когда он был в тюрьме, к его матери ходил один мужчина. Теперь его не видать, боится, наверное...

— Когда вы в последний раз видели Камариддина?

— Да уже дня два-три тому назад, — ответила старушка. — Мать еще крикнула ему с порога: «Грех на тебе будет!..» Поругались, наверное. А он огрызнулся: «Не твое дело!» — и ушел...

Майор поблагодарил стариков и пошел в квартиру Камариддина. Дверь открыла его мать. Увидев майора милиции, явно забеспокоилась.

— Здравствуйте, вы Насибакон Камалова? — Салиев протянул ей удостоверение. — Если позволите, я войду.

Женщина провела его в большую комнату, усадила в мягкое кресло, сама села напротив и достала сигарету.

— Пожалуйста, — предложила она и майору.

— Спасибо, не курю, — отказался он, изучающе глядя ей в глаза. Однако она никак не реагировала, видимо, привыкнув к мужским взглядам.

— Итак, что случилось? — поинтересовалась она, удобно устроившись в кресле.

— Ничего. Решил проведать Камариддина. Как он себя ведет? Устроился на работу?

— Он ведь отчитывался перед вами, — удивленно посмотрела она на него. — Или вы новенький?.. Устроился сразу, как вышел из тюрьмы.

— Где же он работает?

— В ресторане «Ором», швейцар. Ведет себя хорошо. Не напивается, не скандалит.

— Какие у вас взаимоотношения?

— Нормальные.

— Три дня назад вы крикнули ему: «грех на тебе будет» — что вы имели в виду?

— Я имела в виду, что если он не простит меня за то, что отдала его в детдом, — я с ума сойду. Он изводит меня...

— Как же вы живете вместе?

— А куда же я его дену?..

— Так, ладно... Где он сейчас?

— На работе.

— Работает каждый день?

— Когда как... Часто приходится подменять других швейцаров. Они подрабатывают на свадьбах.

— Где он был вечером десятого мая? Во сколько вернулся домой?

От него не укрылось, что женщина болезненноотреагировала на этот вопрос. Рука с сигаретой застыла, ресницы задрожали. Она переменяла позу, закинула ногу на ногу.

Неожиданно из другой комнаты донесся слабый стон. Майор резко повернулся на звук. Женщина чуть не сорвалась с места.

— Кто там у вас? — спросил Салиев.

— Племянник... в гости приехал. Нездоровится ему. Температура.

— Итак, вечером десятого мая...

— Ах, да... Камариддин был на работе, пришел в начале второго ночи.

«Интересно, — отметил майор. — По словам Талгата, его видели в пивной».

— Когда Камариддин придет домой, передайте, пожалуйста, ему эту повестку. Я буду ждать его завтра в одиннадцать утра.

Поднявшись, майор еще раз посмотрел в сторону комнаты, откуда донесся стон. Женщина, одарив его обворожительной улыбкой, проводила ко входной двери. Можно сказать, деликатнейше выставила за дверь.

На улице майор позвонил из телефонной будки жене. Она, чуть не плача, пожаловалась, что приходили опять из хокимията. Он успокоил ее, что все будет в порядке и сам он придет через час.

Потом позвонил Муллакузиеву. Инспектор поспешил доложить, что Салим сейчас боксом регулярно не занимается. Его отстранили от тренировок за драки на улицах. И никаких соревнований сейчас нет.

— Отлично, лейтенант, — похвалил Салиев. — Завтра в восемь тридцать встречаемся возле школы...

На дверях ресторана «Ором» висела табличка «Мест нет». На пороге неприступно стоял детина с огромными усами.

— Камариддин здесь? — спросил у него майор.

— Какой Камариддин?

— Косой, — пояснил Салиев.

— Э-э... нет его... он отпросился.

— Вы ногорачи¹?

— Кто вам сказал? — удивился швейцар. — Я карнайчи...²
У меня все законно. Патент есть.

¹ ² Ногорачи — музыкант, играющий на ногоре (ударный инструмент, карнайчи — на карнае (духовой инструмент)).

— Десятого мая вы были на свадьбе?

— Десятого? — задумался детина и достал из кармана блокнот. Полистал. — Нет, десятого я стоял здесь.

— А если вы идете на свадьбу, за вас дежурит Камариддин?

— Похоже, что у вас серьезное дело, — вместо ответа сказал швейцар. — Пройдите лучше к хозяину.

Из разговора с хозяином ресторана Салиев выяснил, как и ожидал, что Камариддин только числится в списках. Мать Камариддина работает в управлении, и вообще она штучка — директор не мог ей отказать...

Тайна, существовавшая вокруг группы Камариддина, предвещала нечто важное. Майор чувствовал это. Хотя не снимал подозрений и с Кельдиярова — очень уж бурную деятельность развил его папаша. Слишком бурную.

«Тренер»

По пути на «работу» в пивную Талгат увидел застывшего на берегу Анхора Асрора. Подойдя поближе, остановился. Мальчик никак на него не реагировал.

Взгляд Асрора был прикован к медленно текущей мутной воде, на поверхности которой недвижно лежал Миркасимака. Коричневая вода, плотный, желтый свет солнца. Именно желтый и именно плотный, словно каждый луч вытянулся видимой струной, и потому так гудит в напряжении воздух. Каждый звук наливается тяжестью, но не давит, не оглушает, а легко входит в сознание со всем богатством призывков, тысячью искр от самих лучей исходящего эха. Белая земля. С шумом проезжает по противоположному берегу грузовик. Два человека, взявшись за руки, спешат, куда-то опаздывая. Какой сильный шелест листвы! Даже больно слушать, ведь шлепок каждого листка о другой в своей различности достигает слуха. Мучительный скрип могучих ветвей платана, как скрип уключин посреди безбрежного океана или безбрежной пустыни. И когда лучи застывают золотыми нитями, когда невозможно становится вдохнуть и звуки обращаются в шум прибоя, Миркасимака вдруг садится на невидимом ложе. Он улыбается Асрору, выщелкивает пальцами старинный, ровный, возбуждающий танец. Асрор поддается ему, невольно подыгрывая ладонями, открывая их навстречу летящим пузырькам ритма. И сразу отпускают легкие, их словно и нет больше. Из самого танца вдруг брызжет радостный, счастливый смех. Асрор узнает голоса: вот Дильфуза, вот Тураб... И даже Камариддин. Асрор никогда не слышал, чтобы вожак так хорошо и весело смеялся. Какое же счастье переполняет его? Откуда это счастье? Как удалось Миркасимуака, в нена-

висти покинувшему жизнь, наполнить смех его друзей небывалой радостью?..

— Эй, земляк, — вдруг услышал Асрор чей-то голос, — ты что, воде сон рассказываешь?¹

Асрор вздрогнул, обернулся. Перед ним стоял незнакомый парень с сигаретой в зубах.

— Что, делать нечего? — спросил тот и предложил: — Пойдем, дело есть.

— Какое дело? — не понял Асрор.

— А вон погрузим в пивной бутылки. Ты мне поможешь, а я тебе лучшего пива налью, прямо из холодильника.

— Пейте сами свое пиво!

— Эй, земляк, со мной не груби. Ты знаешь, кто я?

Но Асрор не дослушал его, повернувшись, быстро ушел. Парень внимательно смотрел ему вслед.

Куда податься? Камара нет, к Салиму идти боязно — там мать Камариддина... А больше и идти-то не к кому. Заир, Атаула? Нет. Как он объяснит отказ отца? А смолчать как?

Асрор зашел в парк и сел на скамейку. Неподалеку оказались два милиционера, и он, пожалуй, впервые в жизни почувствовал, как душа и в самом деле уходит в пятки. Милиционеры прошли мимо, хотя один из них бросил прищуренный взгляд на него. Асрор покинул парк. Немного побродил по улицам и решил сходить к Дильфузе.

Они давно не виделись. Асрор даже перестал встречать ее на углу, чтобы вместе идти до школы. Почему? Асрор не знал. Он только сейчас, задним числом вдруг понял, что они давно не виделись. А сейчас ему очень хотелось ее увидеть, поговорить с ней, пусть даже об учительнице географии...

Открылась дверь, и Асрор застыл в растерянности, узрев на пороге «госпожу Азизханову» в домашнем халате. Она тоже от неожиданности пришла в замешательство, но профессионально быстро овладела собой.

— Хорошо, что ты пришел, проходи, — пригласила она радужным тоном хозяйки дома.

Провела его в гостиную. Отец Дильфузы сидел возле окна и смотрел на улицу. Увидев Асрора, нахмурился, но, обменявшись взглядами с Азизхановой, немного смягчился. Сдержанно ответил на приветствие Асрора, подкатил свою коляску и расположился напротив него. Азизханова отошла к окну.

— Дильфуза поехала навестить братишку и сестренку, — начал он. — Завтра мы их привезем... Теперь мы будем жить вместе. И никто не будет говорить о детях-сиротах... Ты пони-

¹ По народному поверью, если рассказать воде плохой сон, он не сбудется.

маешь, что это значит? Наступит конец бесконтрольным хождениям Дильфузы... И мы очень тебя просим — оставь ее в покое. Она должна учиться и вырасти умницей. Мы этого хотим и добьемся. А ты не мешай.

Асрор сидел неподвижно, уставившись на колеса коляски.

— Ты понял? — повысил тон отец Дильфузы.

— Понял, — ответил Асрор.

— Ну, если понял, то и шагай своей дорогой. И обдумывай каждый свой шаг, мальчик. Иначе я тебе ноги повиديرываю! — все же сорвался он на крик.

Асрор вспыхнул, вскочил с места.

— Это я сбиваю вашу дочь с пути?! — крикнул он.

— Почему ты морочишь ей голову, мерзавец?!

— Я морочу ей голову?! — выкрикнул Асрор, не находя иных слов от гнева и обиды.

Вмешалась Азизханова, положила ладони на плечи калек, уговаривая его: «Отец, возьмите себя в руки!»

— Сгинь, мразь, с глаз моих! — взревел отец Дильфузы.

— Если тебе невтерпеж — проси своего папашу-шабашника! Пусть наймет тебе какую-нибудь танцовщицу из своей компании! А если будешь волочиться за моей дочкой... Подонки!

— Все, все, отец, успокойтесь! Я сама прослежу, — увещевала его Азизханова.

Асрор, размазывая слезы по лицу, выбежал из комнаты. С грохотом хлопнул дверь.

Высочив на улицу, он едва не сбил Дильфузу. Ноги несли его дальше, но девочка схватила его за руку:

— Вы были у нас дома? — спросила она убитым голосом.

Асрор отвернулся, чтобы скрыть лицо.

— Они вчера говорили, что хотят поговорить с вами. Я не смогла предупредить вас, чтобы вы к нам не приходили. Вы ушли из школы, и на углу меня больше не ждете...

Асрор молчал, судорожно хватая ртом воздух, резко выдернул свою руку.

— Что я вам плохого сделала? — воскликнула она, чуть не плача.

— А я в чем виноват? — крикнул он, повернувшись к ней, и сразу увидел слезы в глазах девочки. Возбуждение, душившее горло, стремительно улеглось.

— Не могла им объяснить, что ли? — пробормотал он с досадой.

— Что объяснить? Я стесняюсь... Отца боюсь. Да и не поверит он мне...

— Не поверит, — согласился Асрор.

— Что мы теперь будем делать? — спросила Дильфуза.

— Ты будешь теперь ходить под присмотром своей мамы. Прикажет «встань» — встанешь, прикажет «умри» — умрешь. Учиться будешь, умницей станешь...

— Ну, не надо! — взмолилась Дильфуза. — Я в этой школе

теперь не буду учиться. В медтехникум хочу поступить. И в доме этом жить не буду. Уйду в общежитие!.. Не могу видеть, как она ходит... Я маму сразу вспоминаю!

Дильфуза закрыла лицо ладонями.

Асрор растерялся. Он вдруг подумал, сколько глаз сейчас наблюдают за ними из окон. Отец и мачеха Дильфузы тоже... Вновь захотелось убежать, бросить все и всех, забыть...

Сверху донесся гневный окрик:

— Дильфуза! Быстро домой!

— Завтра мы пойдем вместе? — отчаянным шепотом спросила она и вдруг попеняла ему: — Вы тоже странно себя ведете в школе. Ведь так могут что-то заподозрить... — И поспешила домой.

Асрор посмотрел на окно второго этажа и встретился со злобным взглядом «госпожи Азизхановой». Она словно ждала, что он сплюнет сейчас на асфальт, разотрет подошвой и гордо удалится...

Опустив голову, Асрор побрел в сторону Анхора...

На следующее утро Дильфуза не ждала его. Потоптавшись на месте их встреч, Асрор двинулся в сторону школы один. Наверное, «госпожа» ее увела, решил он.

Как только прозвенел звонок, его из класса вызвали к директору. Настал, видно, и его черед пройти «воспитательный час». Но в кабинете, кроме директора, Асрор увидел милиционера и седовласого пожилого мужчину в штатском.

— Вот наш отличник Асрор Мирисаев, — представил директор. — Асрор, это лейтенант Муллакузиев, участковый инспектор, а это Максуд-ака, тренер из «Динамо». Они ищут твоего друга Салима...

Седой тут же подхватил:

— Салим очень нужен нам сейчас. Через месяц международный турнир. А у нас нет никого в его весе с достаточной подготовкой. Мы были у него дома. Оказывается, он на соревнованиях. Кажется, его подцепили «Трудовые резервы»? Вы, может, знаете, ходил он в «Трудовые резервы»?

— Не знаю, — слегка опешив, пожал плечами Асрор.

— Сейчас в Барнауле идет турнир. Если я не ошибся, он теперь там. Тогда плохи наши дела. Как вы считаете?

— Я не знаю, — опять пожал плечами Асрор и, сообразив, что им все известно от матери Салима, добавил: — Он только сказал, что едет на соревнования, но я не спросил, куда.

— Эх, жаль, опоздали, — посетовал седой. — Соревнования начались четырнадцатого. Значит, они улетели одиннадцатого. Он одиннадцатого уехал?

— Да, — произвольно ответил Асрор и сразу пожалел об этом. Надо было сказать, что раньше.

— Когда Салим вернется, — попросил тренер, — скажите ему, чтобы встретился со мной. Пусть не держит обиды...

Асрор вернулся в класс, но учение не шло ему в голову.

Милиционер, тренер, Салим... Если тренеру нужен Салим, то причем тут милиционер? К тому же не Салим обиделся а они сами его выгурили... И вдруг догадка пронзила мозг: какое «Динамо», какие «Трудовые резервы»? Ведь переименованы!...

Он даже на перемену не вышел. Заир спросил было: «Что с тобой?» Отмахнулся только: «Сижу в кувшине...» А Атаулу вообще погнал подальше, когда тот сунулся. Стало плохо, очень плохо: стало страшно...

Салиев же, услышав ответ Асрора, почувствовал, что напал на верный след. Он со значением посмотрел на Муллакузиева, и тот, поднявшись, отправился выполнять заранее намеченный план. Подошел к телефону-автомату у кинотеатра, позвонил в отделение милиции...

— Нельзя ли увидеть девочку, с которой дружит Асрор, — попросил Салиев директора.

— Одну минуту, — Директор выглянул в приемную, чтобы распорядиться. — Пардон, для нее вы тоже тренер?

— Нет, я из городского управления народного образования. Ведь девочка из детского дома.

Салиев сразу заметил страх в глазах Дильфузы. Впрочем, все боятся директорского кабинета.

— Дочка, я зашел проведать вас, — ласково начал Салиев. — Ваши домашние условия не мешают учебе?

Девочка вроде бы успокоилась, но когда вопросы инспектора коснулись ее поведения, опять насторожилась, как испуганная лань.

— Дочка, не буду скрывать. Нам сказали, что вы часто бываете в компании плохих ребят, это правда?

Дильфуза молчала, опустил глаза.

— Эти ребята учатся здесь?

Дильфуза опустила голову еще ниже.

— Скажи правду, и Асрор там бывает? — вмешался директор.

— Нет, я верю, что вы не делали ничего плохого, — сказал Салиев. — Люди возвели на вас напраслину. Почему-то всегда самое чистое мажут самыми грязными сплетнями. Ничего худого не вижу в том, что мальчик с девочкой сходят в кино. Ведь вы с Асрором дружите чистой дружбой, правда?

Дильфуза кивнула.

— Если вы были в кино, — вновь вмешался директор, — то назовите фильм.

— Не помню названия, — сказала она еле слышно, — индийский фильм.

— В каком кинотеатре?

— «Ватан»...

— Какого числа? — наседал директор.

— Десятого.

— А после этого были в кино?

— Нет.

— Ладно, идите, Дильфуза, — прекратил директорский допрос Максуд Салиев. Потом позвонил в кинотеатр и выяснил, что десятого там шел не индийский, а американский фильм. Но директору подтвердил, что девочка сказала правду. Поблагодарил его и откланялся.

На одиннадцать ноль-ноль, сидя уже в своем кабинете, Салиев вызвал Камариддина. Он даже приблизительно не знал, какова роль этого парня в смерти Миртиллаева, но почувствовал: даже если он ни причем в этом деле, то «следы» его ведут к раскрытию какого-то другого преступления. Салим исчез, Асрор пытается прикрыть его. Дильфуза лжет. И что за дети пошли?..

Камариддин был пунктуален. Увидев Салиева, он сразу понял, что стоит на краю пропасти. Появление майора в гражданском в пивной, парень, представившийся Грегором, — все это выстраивалось очень четко. И если ему сейчас не удастся выскользнуть, то крышка...

Салиев внимательно оглядел крепкого косоглазого парня. Этот? Какие мотивы? Деньги? Но эти вопросы были преждевременны, как и сам вызов, если парень виноват. Но дело сделано.

Салиев не спешил начинать разговор, углубился в бумаги на столе, сделал кое-какие пометки, будто вызывал парня не по делу, а просто посмотреть на него.

Камариддин демонстрировал олимпийскую выдержку. Наконец майор поднял голову.

— Работаете?

— Работаю, — подтвердил парень.

— Где?

— Вам известно.

— Ничего не известно...

— Швейцар в ресторане «Ором».

— Вы вчера были на работе?

Камариддин усмехнулся.

— Нет, я не был на работе, — ответил он уверенно.

— В какие дни работаете? По четным, нечетным?

— Когда как, по договоренности. Я, вообще, редко хожу на работу. Не люблю кланяться людям.

— Гордый... Так переходите на другую работу.

— Не возьмут. Я же обиженный богом...

— Ладно, оставим тему, — кивнул Салиев. — В какие дни после праздника вы работали?

— Ни одного дня не работал. Было тяжело на душе, и я уехал в Фергану.

— Когда вернулись?

— Утром одиннадцатого.

— Значит, в ночь с десятого на одиннадцатое вы были в поезде?

После этого вопроса все сомнения Камариддина исчезли.

— Выходит так, товарищ майор.

— Кто это может подтвердить?

— У меня сохранился билет, — полез в карман Камариддин.

— Что же, вы хорошо подготовились, — оценил майор, рассматривая билет.

— Положение обязывает, — развел руками Камариддин. — Если соседская кошка околеваает, вы ее смерть инкриминируете мне.

— Это обратный билет. А прямой?

— Туда я ехал на машине. Пять часов через перевал.

— Пусть ваш билет побудет у меня.

— Пожалуйста. Только дайте расписку. Вдруг он еще кому понадобится.

Когда Салиев писал расписку, зазвонил телефон. Майор узнал по голосу Эшбаева и сказал в трубку:

— Да, сынок, занятия окончились? Ты встретился с тем человеком?

— Мирисаев после третьей перемены ушел из школы, — коротко начал излагать Эшбаев. — Он направился в квартал два «Б», дом тридцать три. Седьмой подъезд. Квартиру я не успел засесть.

— Собрание рано или поздно закончится, сынок. Подожди. В институте учиться нелегко. Не упусти этого человека. Когда закончится, оповести меня. Может, подойду. Нет, работы не очень много...

Камариддин сидел с рассеянным видом, смотрел в окно. Салиев протянул ему расписку.

— Участковый говорит, что вы собираете вокруг себя несовершеннолетних ребят, кучкуетесь возле кинотеатра.

— Не я собираю. Они сами подходят. Не прогонять же.

— Они не знают о вашем прошлом?

— Знают, я рассказываю им о тамошнем житье-бытье. Ну, не вокруг же вас им собираться, извините!

— Предположим, вы правы, но тогда вокруг вас должны были бы собираться не пять-шесть человек, а толпа.

— Вы же не считали, со сколькими я за день встречаюсь, — пожал плечами Камариддин.

— А вот давайте и посчитаем, — подхватил майор, — начните, например, с Шамиля.

Камариддин улыбнулся и назвал с десяток имен. Асрора с Салимом среди них не было.

— Я не всех по именам помню, уж извините.

— Да, некоторых вы забыли, — подтвердил Салиев. — Например, Салима... Припоминаете? Боксер.

— Точно. Салима запомятовал.

— А где он сейчас?

— Я не видел его после Ферганы.

— А вы что — вместе ездили туда? — удивился майор.

— Да, он услышал, что я собираюсь в поездку, привязался. И я взял его с собой. Почему бы и нет?

— Хорошо. Вы свободны, — отпустил парня майор.

— Спасибо, — поднялся Камариддин. — Только я не понял, зачем вы меня вызывали?

— Придет время — поймете.

— Но учтите, я не позволю навесить на себя чужие грехи! Не те времена! — предупредил Камариддин.

— Я это знаю. До свидания...

Камариддин, тяжело ступая, вышел из кабинета. На улице пошел быстрее, чувствуя, что майор наблюдает за ним из окна. Хотелось скорее исчезнуть из поля его зрения.

Развязанный узел

Дверь открыла мать Камариддина.

— Господи, как хорошо, что ты пришел! — воскликнула она, увидев Асрора. — Иди, посмотри на состояние своего друга! — распахнула она дверь комнаты, где лежал Салим. — Предупреждала же, грех на вас будет!

Асрор по-настоящему перепугался, увидев Салима. Лицо белое, как марля, глаза полузакрыты, дыхание тяжелое, хриплое, словно кто-то душил его.

— Салим, — позвал Асрор, приблизившись.

Салим не реагировал.

— Салим! — окликнул громче.

Салим его не слышал. Асрор почувствовал, как его руки и ноги становятся ватными: вот-вот свалится в обморок. В панике оглянулся на мать Камариддина.

— Я вызвала «Скорую», — сказала она. — Запомни: я не знаю ни его, ни тебя. Я нашла его на дорожке возле дома. Ты проходил мимо и помог мне. Понял? Камариддину сам объяснишь... А теперь соберись с мыслями. Признавайся, что вы натворили? Ограбили кого-то, убили? Да говори же! — встряхнула она совершенно оцепеневшего Асрора.

Он пытался что-то говорить, но язык не подчинялся ему.

— Ах, чтоб ты пропал, обормот несчастный! — оттолкнула она его. — Ладно, что бы вы ни натворили, похоже, вольные дни ваши сочтены. Милиция у вас на хвосте... Если с этим парнем что-то случится, вам же будет хуже. Лучше говорите, что не знаете его.

Тут раздался звонок у двери.

Мать Камариддина в двух словах изложила врачу свою версию. Доктор подошел к Салиму, проверил пульс, поднял веки и послал Асрора вниз за носилками.

Разместив Салима в машине, врач поинтересовался, глядя на мать Камариддина, кто поедет с больным.

— А это обязательно? — смутилась она. — Я ведь совсем не знаю его.

— Я поеду, — сказал Асрор и полез в машину.

— Гони быстрее, — сказал доктор водителю в окошечко и обратился к Асрору: — Ты знаешь этого мальчика?

— Да... нет... совсем немного, — запутался Асрор.

— Если знаешь его адрес, сообщи родственникам. Состояние у него тяжелое...

Асрор остался в приемном покое. Салима унесли.

Где Камар? Почему его нет? Или он уже скрылся? Ведь их всех, наверное, милиция уже разыскивает... Салим просил клубники... Надо было принести клубнику... Что будет с Салимом? Неужели он умрет от пустяковой раны?..

Как вообще случилось, что в один день кончилось «счастливое детство» — жизнь разрушилась? Сидели на берегу Анхора. Камар принес пива. Асрор с Дильфузой расположились чуть в стороне от компании. Потом вышел Миркасима-ака: «А, мерзавцы, поджидаете? Вот как ваше племя уничтожают!» — И взмахнул ножом. Зачем он это сделал и почему решил, что его «поджидали», — Асрор не понимал...

— А, вот ты где. Идем со мной, — позвал его врач «Скорой», заглянувший в приемную. — Слава богу, а то думал, ты уже ушел.

Асрор обреченно пошел за ним. Они вошли в какой-то кабинет. Мужчина в белом халате говорил по телефону. Увидев вошедших, сказал в трубку:

— Вот они, одну минуту, сейчас спрошу... — И обратился к Асрору: — Скажи имя и фамилию больного, возраст, в какой школе учится?

Асрор, заикаясь, ответил.

— Да, товарищ капитан, похоже, ножевое ранение. От недели до десяти дней назад. Потерял много крови. Кроме того, инфекция. Состояние тяжелое. Принимаем все меры. Ничего не могу гарантировать...

«С милицией разговаривает!» — дошел смысл разговора до Асрора.

Он оглянулся. Врач «Скорой» уже ушел. Асрор осторожно попятился в коридор, ватными шагами добрался до входной двери, выскочил на улицу и побежал что было сил. Только на площади перед базаром, чуть не сбив с ног нескольких прохожих, немного пришел в себя. Сел в трамвай. Было слишком душно. Не выдержал — вышел. Сел на скамейку.

Теперь будут искать того, кто ударил Салима ножом. А он мертв. Кто теперь виноват?

Вдруг Асрор увидел на мостовой, прямо посреди проносящихся машин, Миркасима-ака. Покойник подавал ему какие-то знаки, жалобно улыбался.

— Не мы, а вы убийца, — отчетливо произнес Асрор. — Это вы ни за что убили Салима! И пропадите вы пропадом, сгиньте с глаз, чтобы я никогда больше вас не видел!

— Эй, джигит, о чем ты?.. — Парень и девушка, сидящие на другом конце скамейки, удивленно смотрели на него.

Асрор поднялся с места, торопливо зашагал по тротуару.

Убили? Почему он сказал «убили»? Ведь Салим не умер! Сказали, состояние тяжелое. Но доктора всегда преувеличивают. Этого нельзя даже представить...

Асрор подошел к автобусной остановке. По пути к дому Салима пытался обдумать слова, которыми начнет разговор с его матерью. Переходя через Анхор, чувствовал, что Миркасим-ака спрятался от его взгляда под мостом.

— Где твой друг? — даже не ответив на приветствие, набросилась на него мать Салима. — Милиция к нам приходила.

Асрор сразу потерялся.

— Ты что, язык проглотил? Говори, где мой Салим?

— Салим... в больнице.

— Господи, что с ним?

— Не знаю... Что-то с ногой...

— Подожди, проводи меня к нему. Скрываете вы что-то, пострелята!

Она быстро сменила заштопанное платье на более приличное, галоши — на дешевые туфли. Пока добирались до больницы, она несколько раз повторила, не требуя ответа: «Что-то вы скрываете, пострелята».

Асрор проводил ее по коридору, указал на кабинет главврача. Сам быстро вернулся в приемный покой. И вдруг из конца коридора донесся истошный вопль: «Сыно-о-о-к!» Он продолжал звучать, когда Асрор бежал по улице, и потом, когда слонялся вдоль Анхора и равнодушно выслушивал оправдания Миркасима-ака.

Очнулся он, когда сзади окликнул знакомый голос. Камар! Прячется за деревом. Значит, и у него дела плохи.

— Где ты ходишь? Целый день жду. Иди за мной, — приказал Камариддин.

Асрор сообразил, что пришел к своему дому. Вспомнив еще что-то, догнал Камариддина.

— Салим умер, — сообщил он.

Камар резко остановился и схватил его за ворот.

— Кто тебе сказал?

— В больнице... доктор...

— Не учи пустоголовые! От такой раны и в зоне не умирают! Врут они! Идем быстрее, есть разговор, — не поверил или сделал вид, что не верит, Камариддин.

Они вышли на проспект. Камариддин, поймав такси, увез Асрора на окраину города. Завел в кооперативное кафе. Они схоронились в отдельном кабинете в углу. Камариддин достал из кожаной сумки, висевшей на плече, бутылку водки, поставил ее под стул, а сумку придвинул к Асрору.

— Обстоятельства изменились, — сказал он. — Все деньги оставляю тебе. Половина твоя. Другую сохранишь до моего возвращения, если... мне не дадут «вышку». Тогда поделишься с Салимом.

Камариддин откупорил бутылку и, наполнив фужер, залпом выпил.

— Что случилось, то случилось, братишка. Теперь не исправишь. Я виноват. Но на вас даже пылинке не позволю упасть. Мне не впервой, ни черта со мной не случится, выкарабкаюсь... Утром пойду с повинной. Но сегодня я еще должен кое с кем рассчитаться.

Официант принес закуски. Камариддин снова выпил. Асрор ни к чему не притронулся, молчал.

— Не забывай меня, братишка! — обнял его Камар, прижался лбом к его лбу. — Я не совсем дерьмо... Ошибка в том, что я не рожден был волком. Я должен был стать человеком, хорошим человеком, но теперь уж поздно... — Голос его дрожал. — Я сплеховал, а ты не поддавайся. Деньги у тебя теперь есть, иди прямо своей дорогой! А мне еще надо кончить расчет. Опять продала, гадина... Но я не дам ей радоваться со своим хахалем. Сегодня она навсегда закроет глаза, счастливая женщина. Надо было еще тогда, в первый раз... Пожалел... Приди, когда меня будут судить, братишка! Внимательно послушай, что я скажу... А теперь иди. И все забудь. Как был хорошим мальчиком, так и оставайся. Всем назло!

Камариддин сунул ему в руки сумку с деньгами.

— Поймай тачку и отправляйся домой. Никому ничего обо мне не говори! Ну, вали! — слегка подтолкнул он Асрора.

Асрор постоял на улице. Потом поплелся по дороге. Сколько шел, не помнил. Вдруг рядом затормозила машина, из нее выскочил Камариддин.

— Совсем сдурел? — крикнул он зло. — Пешком домой собрался? А ну, садись... — И бесцеремонно втолкнул его на заднее сиденье.

Камариддин остановил машину за квартал до своего дома.

— Шеф, — попросил он, выйдя, — подкиньте братишку чуть дальше, он и рассчитается.

Асрор тоже не доехал до дома. Там ему появляться нельзя. Отец, наверное, уже у этого, как его, — Нуруллы Эгамовича. Верно, костерит Асрора на чем свет стоит... А у Тураба сегодня свадьба... Как они там выкрутились?

Постоял минуту и пошел прочь от дома.

Камариддин наблюдал из-за дерева за своими окнами. Свет горит. Стало быть, «счастливая женщина» еще не отошла ко сну. Придется помочь. Крепко будет спать...

Но его смущала «Волга» с потушенными фарами, затаившаяся за углом дома, выгнувшегося параллельно наблюдаемому. Вынул сигарету.

Показался какой-то парень, вдруг остановился в сомнении между двумя домами: тот или этот?

— Эй, приятель, — окликнул его Камариддин, — спичек не найдется?

Парень резко повернулся на голос.

— Ба! Никак Грегор собственной персоной!.. Чему обязаны? Уж не меня ли ищем?

Талгат стоял, не зная, что предпринять.

— Иди сюда, Грегор, — позвал Камариддин. — Разговор есть. Не бойся, не трону, я тебя давно раскусил...

Талгат подошел.

— Так спички есть?

— Не курю, — ответил Талгат.

— Пай-мальчик, значит. Молодец. Но дела еще не знаешь. А дело обстоит следующим образом: передай своему майору, что утром я сам собирался с повинной, да вы мне помешали — дергаете, кого не надо. А теперь еще одна проблема, и опять вы мешаете. Ну, раз так, придется вам малость подождать... Человека, которого вы нашли в Анхоре, убил я. Он пырнул лезвие моего братишку! На, возьми, вот этим ножом, — протянул он Талгату завернутый в носовой платок нож.

— Похвально, что сам признался, — кивнул Талгат. — Идем.

— Ты не понял? Я же сказал: возникла проблема. Приду сам. Не завтра, так послезавтра...

Талгат вдруг заломил Камариддину руку за спину.

— Ты что, я же с тобой по-хорошему говорил, — возмутился Камар. — Что за грубые манеры. Грегору не к лицу.

— Не дури, пойдем, — прикрикнул Талгат. — Веди к себе домой.

— А, так ты ко мне домой хочешь? — засмеялся Камариддин. — Я-то думал, в отделение. Тогда милости просим, дома мы, пожалуй, и столкнемся...

Камариддин потянул «Грегора» к своему подъезду, но с третьего шага резко вырвал руку и с разворота ребром ладони ударил конвоира по шее. Талгат рухнул, не успев издать ни звука. Камариддин скрылся между деревьев.

Вяжущая слабость сковывала движения Асрора. Иногда тело пробирала крупная дрожь, и приходилось останавливаться, пережидать напасть. Но он все же добрался до дома Камариддина. Осознав в одиночестве слова вожака, он хотел помешать ему. Камар — хороший человек, он не должен губить себя. Да и мать есть мать, какой бы она ни была, нельзя на нее поднимать руку.

Но возле Камариддинова подъезда Асрор увидел «Волгу» с включенным двигателем и группу людей. Узнал «тренера», разговаривающего с «грузчиком из пивной». Из подъезда вышла с тревожным лицом мать Камариддина. Асрор попятился, испугавшись, что его заметят, растворился в темноте.

Переходя Анхор по мосту, он услышал плеск в воде, пробормотал: «Сейчас, я сейчас...» Он направился к дому Салима, но не зашел. Ярко горел свет в окнах, на улице толпились люди, переговаривались, какая-то женщина громко всхлипла. Словно в ответ, из дома донесся плач, длинный, нескончаемый...

У Асрора закружилась голова. Он переждал, прислонившись к забору. Тяжелая сумка больно оттягивала плечо. Асрор взял ее в обе руки, пробрался сквозь жидкую изгородь в огород. В углу на грядке лежала брошенная матерью Салима мотыга. Она уронила ее, услышав, что сын в больнице. Асрор выкопал неглубокую яму и вложил в нее сумку. Слегка присыпал сверху, оставив снаружи лямку, в лямку же вдел рукоятку мотыги. Так и оставил...

Вот и Анхор. Свет фонарей на черной и складчатой ткани воды. Асрор спустился к кромке берега, сел, чувствуя, что ничто в мире не заставит его куда-то еще идти, что-то делать, думать, переживать. Он устал.

Бойко трещали, перебивая друг друга, сверчки. Ветер шевелил листву плакучих ив, склонившихся над водой.

Салим, как живой, сел рядом и подмигнул ему. С таинственным видом достал из-за спины плитку пломбира, разломил пополам и щедро протянул Асрору большой на вид кусок. Асрор удивился. Ведь всегда именно он угощал безденежного Салима...

Сладкая сливочная масса холодом обжигает горло. Захватило дыхание. Блаженство! Вокруг томительно-яркий, гулкий день — последний день учебы во втором классе. И мысль: все лето еще впереди. Два мальчика, управившись с мороженым, молча смотрят на воду.

— Ты мой самый большой друг, — произносит Салим, серьезно обдумав эти слова. — Теперь я буду покупать тебе мороженое...

Асрор, откинувшись на траву, жмурится на солнце. Ему лень отвечать. Молочный вкус еще не растворился на губах. Перед глазами раскачиваются ослепительные цветные пятна. Заунывно скрипят стволы платана.

Но вот свет потускнел, что-то его заслонило. Асрор силится увидеть, морщит лоб, пытаясь сосредоточить взгляд. Наконец, это ему удастся: над ним склонилось лицо человека. Добрые и смеющиеся глаза. Миркасим-ака! Он качает маленького Асрора!

От какой-то волшебной искры во взгляде Миркасима-ака безудержная радость просыпается в душе Асрора. Она рвется наружу сквозь непослушную гортань, разлепляет толстые и непослушные губы. Асрор слышит свой смех. И хотя вода уже сомкнулась над головой, он смеется, слышит веселые крики своих друзей. Их много. Они приближаются, встречают Асрора.

Он вступает в царство счастливого детства.

Перевод с узбекского
Владимира ВАСИЛЬЕВА.